

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)45

УДК 94(47).035=161.1(045)“653”(47)

**Несин М.А. Новгородские житьи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в.
Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г.**

Аннотация: данная работа посвящена роли новгородских житьих во внешней политике Новгородской республики с рубежа XIV-XV вв. по 1471 г. На основе комплексного исследования источников автор определяет место житьих в новгородском социуме и городском ополчении, а также в составе новгородских делегаций во время переговоров, а равно и их участие в вечевых обсуждениях внешнеполитических вопросов. Это важно в том числе для характеристики состояния и развития новгородского ополчения того времени. Также автор делает выводы о характере доспехов житьих по сравнению с однополчанами низших слоев. Житьи люди Новгорода сохраняли достаточно устойчивое положение во внешнеполитической сфере и воинстве в XV в. Будучи участниками вечевых собраний, они принимали участие в обсуждении вопросов, связанных с новгородской внешней политикой. От их имени составлялись соответствующие акты. Иногда житьи участвовали в дипломатических посольствах и вели мирные переговоры с великими московскими князьями, хотя роль житьих в этих переговорах была небольшой. В качестве вечников и военачальников житьи в боярском Новгороде значились не только ниже бояр, но и княжеских служилых детей боярских. Иногда в XV в. в качестве представителей от житьих в посольствах к великим князьям литовским и московским ездили бояре, не занимавшие государственных постов. В отличие от бояр, которые в XV в. стали играть более значимую роль в сражениях и даже входили в состав первого профессионального новгородского воинского подразделения — боярского владычного полка, несшего военную службу в том числе и в мирное время, житьи подобных тенденций не демонстрировали.

Ключевые слова: XIV, XV, Великий Новгород, житьи люди, XV век, вече, Дмитрий Донской, Василий Темный, Иван III, сражение под Русой, Шелонская битва, бояре

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. закончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности историк. В настоящее время – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Научные интересы: история средневековой России до Московского периода, тактика русских войск, социальная история, историческая топография. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992.

Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4.

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961.

Борзаковский В.С. История тверского княжества. — СПб., 1872.

- Русский феодальный архив XIV- первой трети XVI века. — М., 2008.
- Алексеев Ю.Г. «К Москве Хотим!» Закат боярской республики в Новгороде. — Л., 1991.
- Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003.
- Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961.
- Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сб. статей. — М., 1952.
- Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014.
- Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 17.
- Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991.
- Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник УдГУ. — 2014. — Вып. № 3. — Серия: История и философия.
- Янин В.Л. К хронологии «торгового устава» князя Всеволода // Археографический ежегодник за 1976 г. — М., 1977. — С. 60-68.
- Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. — М., 1976.
- Флоря Б.Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и раннее новое время: Сб. ст. к 60-летию Л.В. Милова. — М., 1999.
- Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические Записки. — М., 1979. — Т. 103.
- Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков-архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. — Вып. № 14.
- Несин М.А. Купечество вечевого Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. 11.
- Борзаковский В.С. История Тверского княжества. — СПб., 1872.
- Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne =Словѣне. International Journal of Slavic Studies. — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4.
- Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949.
- Азбелев С.Н. К вопросу о дате и месте Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — Вып. № 3 (57).
- Азбелев С.Н. Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело. — 2006. — Вып. № 1.
- Дубровин Г.Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско-плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. — СПб., 2005. — Вып. № 10 (20).
- Несин М.А. Был ли Новгород привилегированным великокняжеским городом? // Valla. — 2016. — Вып. № 2 (1).
- Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).
- Зимин А.А. Витязь на Распутье. — М., 1992.

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 96-173 <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

Торопов С.Е. Из истории средневекового новгородского города Демона // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. — М., 2009.

Торопов С.Е. Археологический комментарий к проблеме локализации и преемственности новгородского городка Демон и Демянского погоста // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. — М., 2009.

Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV—начале XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. — Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 96-113 <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси в XV в. — М., 1992.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Несин М.А. О терминах «господин» и «государь», употребляемых применительно ко «всему Великому Новгороду» // Valla. — 2015. — Вып. № 1 (6).

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Новгородские житыи люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV-XV вв. до второй половины 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 247-309. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).

Nesin M. Novgorod Republic's petty nobles (zit'i) of the XVI century and their role in the city's military affairs and domestic politics.

Part I: from the end of the XV century toward 1471

Summary: The article's major goal is to identify and analyze a special category of the Novgorod strata – petty nobles (zit'i) and their role in the military affairs and diplomatic missions conducted by their homeland. The author explores the following problems: characteristic of the Novgorod militia, in which these petty nobles played an important role being distinct by their arms and armament; their participation in the publicly held high Novgorod's legislation (veche) where they often took part in discussion of the Republic's foreign affairs; drafts of special judicial documents (akti) and so on. However, their role was somehow lower than traditional Novgorod nobility (boyars), although these petty nobles could occupy, on a rear occasion, mid-level military commander's post and even be a part of a diplomatic mission to the Muscovy or Lithuanian's courts

Keywords: XV; Novgorod Republic; petty nobles (zit'i); veche; boyars; fifteenth century; Dimitry Donskoy; Vasily II "Tyomniy" (Blind); Ivan III; Battle of Russa, February 3, 1456; Battle at the Shelon River, July 14, 1471.

Author: Mikhail A. Nesin studied at the St.-Petersburg State University which he graduated in 2009. At the present moment Mr. Nesin is doing his master's degree at the Novgorod State University; he specializes on the "dark history" of the medieval Russia, social and military history and historical topography. petergof-history@yandex.ru

References:

Lukin P.V. Kategorii naselenija Novgoroda v opasnoj gramote 1472 g. [The population of Novgorod in the threat letter 1472] // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. — 2015. — Vyp. № 1. — T. 4.

Zimin A.A. Ustavnaja gramota knjazja Vsevoloda Mstislavicha [A Charter of Prince Vsevolod Mstislavich] // Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnju semidesjatiletija: sb. statej. — M., 1952.

Nesin M.A. Novgorodskie tysjackie v XIV veke [Novgorod captains in the XIV century] // Vestnik Udgu. — 2014. — Vyp. № 3. — Serija: Istorija i filosofija.

Janin V.L. K hronologii «torgovogo ustava» knjazja Vsevoloda [To the chronology of the "trade Charter" of Prince Vsevolod] // Arheograficheskiĕ ezhegodnik za 1976 g. — M., 1977. — S. 60-68.

Florja B.N. K izucheniju cerkovnogo ustava Vsevoloda [To the study of the Church Statute of Vsevolod] // Rossija v srednie veka i rannee novoe vremja: Sb. st. k 60-letiju L.V. Milova. — M., 1999.

Alekseev Ju.G. «Chernye ljudi» Novgoroda i Pskova (k voprosu o social'noj jevoljucii drevnerusskoj gorodskoj obshhiny) ["Black people" of Novgorod and Pskov] // Istoricheskie Zapiski. — M., 1979. — T. 103.

Nesin M.A. Razvitie instituta novgorodskih tysjackih v XIV-XV vv. po dannym novgorodskih pis'mennyh istochnikov [The development the tysiatskiis department of Novgorod in the XIV-XV centuries in Novgorod according to written sources] // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problema sohraneniya i nauchnogo ispol'zovanija: materialy 14 nauchnoj konferencii istorikov-arhivistov 22 maja 2014 g. — V. Novgorod, 2015. — Vyp. № 14.

Nesin M.A. Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII-XV vv. po dannym pis'mennyh istochnikov [The merchant Veche of Novgorod in XII-XV centuries according to written sources] // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniya i nauchnogo ispol'zovanija. — V. Novgorod, 2012. — Vyp. 11.

- Borzakovskij V.S. Istorija Tverskogo knjazhestva [The history of the Tver Principality]. — SPb., 1872.
- Jushkov S.V. Obshhestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [The socio-political system and law of the Kiev state]. — M., 1949.
- Azbelev S.N. K voprosu o date i meste Kulikovskoj bitvy [To the question about the date and place of the battle of Kulikovo] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. — 2014. — Vyp. № 3 (57).
- Azbelev S.N. Uchastie novgorodcev v Kulikovskoj bitve [Novgorodians participation in the battle of Kulikovo] // Chelo. — 2006. — Vyp. № 1.
- Nesin M.A. Byl li Novgorod privilegirovannym velikoknjazheskim gorodom [Was there a privileged Novgorod Grand city]? // Valla. — 2016. — Vyp. № 2 (1).
- Nesin M. A thousand-man Chief Feodor Eliseevich – one of the Novgorod's war-lords during the 1435/36 Rzhev winter campaign as a leading character of the Novgorod's foreign policy and troop's organizer in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).
- Nesin M.A. Military governor (voivode) Fedor Vasil'evich Basenok [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 96-173. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).
- Toropov S.E. Iz istorii srednevekovogo novgorodskogo goroda Demona [From the history of medieval Novgorod city Demon] // Velikij Novgorod i Srednevekovaja Rus': Sbornik statej: K 80-letiju akademika V.L. Janina. — M., 2009.
- Toropov S.E. Arheologicheskij kommentarij k probleme lokalizacii i preemstvennosti novgorodskogo gorodka Demon i Demjanskogo pogosta [Archaeological commentary on the problem of localization and continuity of the Novgorod town of Demon and Demyansk churchyard] // Horoshie dni. Pamjati Aleksandra Stepanovicha Horosheva. — M., 2009.
- Nesin M. Response to Vitaly B. Penskoj's article "... They have made provisions for the entire winter, till the spring has come" on logistics of the Russian State, from the XV to the early XVI century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 134-166. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).
- Nesin M.A. Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Russia battle]. — Srazhenie pod Rusoj 3 fevralja 1456 g.: mesto boja i taktika moskovskih vojsk [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 96-113 <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- Nesin M.A. Shelonskaja bitva 14 ijulja 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Shelon battle] [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- Nesin M.A. O terminah «gospodin» i «gosudar'», upotrebljaemyh primenitel'no ko «vsemu Velikomu Novgorodu» [About the terms "Lord" and "Sovereign" used in relation to "the Great Novgorod"] // Valla. — 2015. — Vyp. № 1 (6).

Internet link:

http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8

Reference link:

Nesin M. Novgorod Republic's petty nobles (zit'i) of the XVI century and their role in the city's military affairs and domestic politics. Part I: from the end of the XV century toward 1471 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2016. — Vol. VIII. — P. 247-309. <http://www.milhist.info/2016/06/08/nesin_8> (08.06.2016).

**НОВГОРОДСКИЕ ЖИТЬИ ЛЮДИ В XV В. И ИХ УЧАСТИЕ В ВОЙНАХ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА В XV В.
ЧАСТЬ 1. ОТ РУБЕЖА XIV-XV ВВ. ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1471 Г.**

Согласно верным заключениям современных исследователей, положение житых людей — «одна из неразрешенных загадок Новгородской истории»¹ и являются они «в общем-то до сих пор довольно загадочной социальной группой»². В настоящее время ученые сходятся на том, что они были второй свободной светской социальной категорией после боярства, участвовали в вече, в новгородском ополчении и в посольствах к московским великим князьям. Лишь в отдельных случаях, в источниках неновгородского происхождения, новгородские житы по ошибке поставлены ниже купцов³. (Вероятно, по примеру Пскова и близкой к Москве Твери, где житы люди в социальной иерархии были ниже купцов, но выше черных людей — М.Н.) Вместе с тем, в отличие от бояр, житы (в том числе и наиболее обеспеченные, не уступавшие по богатству иным боярам) никогда не обладали правом занимать государственные должности.

При этом роль житых в новгородском вече и внешнеполитической сфере тоже трактуется по разному. Их или считают «хозяевами Новгородской земли»⁴, или пишут о господствующем положении бояр⁵. Наряду с этим предпринятое в данной работе специальное изучение роли житых в новгородской внешней политике и войнах может пролить свет на эти загадки, а также способствовать более глубокому изучению новгородской внешней политики, структуры новгородского войска и тех процессов, которые в нем происходили в XV в.

Происхождение житых и их положение среди других слоев новгородского общества

Для понимания роли житых в новгородском войске и внешней политике Новгорода Великого стоит определить их происхождение и соотношение со смежными социальными категориями, прежде всего, с новгородским купечеством. Ведь это позволит расширить (или, наоборот, сузить) круг изучаемых известий об участии житых во внешнеполитической сфере и в военных кампаниях.

В настоящее время исследователи расходятся во мнениях, говоря о времени появления житых. Согласно одной точке зрения, житьи — «новообразование» второй половины XIV в.⁶ Если следовать ей, то первое упоминание житых людей в Новгороде содержится в новгородской грамоте послам Юрию и Якиму о заключении мирного договора с Михаилом Тверским, составленной в 1370-х гг.⁷ (точная датировка этого акта является предметом дискуссий)⁸.

По мнению В.Л. Янина, первое упоминание житых имеется в Уставной грамоте Всеволода Мстиславича церкви Иоанна Предтечи на Опоках, которую ученый относит к XIII в.⁹ Согласно этому документу, суд по «торговым» и «гостиным» делам вели три старосты: тысяцкий, формально выступавший как представитель житых и черных людей (боярам было официально запрещено вступаться в дела суда), а также два старосты от купцов¹⁰. Датировка этого документа также вызывает дискуссии. Но, по справедливому замечанию Б.Н. Флори, данный пункт появился не позже 1269 г.¹¹, когда в новгородско-немецком договоре были упомянуты и суд, и старосты. Даже если предположить, что слово «житьи» было сюда приписано позднее, то едва ли это следует относить к середине — второй половине XIV в., когда этот пункт потерял актуальность, так как купеческие старосты к тому времени перестали играть в суде важную роль, а с 1386 г. торговый суд и вовсе упоминается в

качестве единоличного суда тысяцкого¹². Таким образом, у нас есть определенные основания относить появление житых к более раннему времени, чем вторая половина XIV в. Во всяком случае, все современные исследователи справедливо сходятся на том, что во второй половине XIV в. (а соответственно, и в XV в. — М.Н.) данная социальная категория уже существовала, занимая в Новгороде определенное положение.

По мнению Ю.Г. Алексеева, житьи люди во второй половине XIV в. выделились из черных людей, низшей свободной категории новгородского населения¹³, объединявшей ремесленников и промысловиков, рыболовов и др. Но это нам кажется весьма сомнительным. Однако маловероятно, чтобы в это время, одновременно с усилением роли новгородских бояр¹⁴, часть городского плебса стала выше купцов, превратясь во второе сословие после боярства. Тем более что новгородский черный люд был достаточно замкнутой категорией и его представители не могли стать даже купцами. Так, в одном из вариантов новгородской былины о Садко, отразившей реалии периода Новгородской независимости, главный герой был бедным городским гусяром, т.е. представителем черни. И купечеству он противопоставлен. Притом, чтобы стать купцом, Садко пришлось прибегнуть к помощи сверхъестественной силы¹⁵. Это говорит о четко осознаваемой самой чернью невозможности подобного возвышения в реальности. Любопытно, что сказителям (которые явно и сами были из черных людей) купеческая доля казалась верхом земного счастья и гарантом материального достатка — показателем, например, миф о каменном доме¹⁶, хотя в слоях республиканского периода обнаружены остатки считанных каменных теремов, да и то боярских. Это опять же демонстрирует, какая непреодолимая пропасть пролегла между чернью и купцами¹⁷. А поскольку былина отражает время возвышения Москвы (Садко смог скупить все товары, кроме московских), то это тем более заставляет скептически относиться к гипотезе о происхождении от черных людей новгородских житых, якобы стоявших выше купцов. В Пскове житьи люди, наоборот,

упоминались в источниках после купцов перед черными. И вот там-то они, по видимому, в действительности были некоторой верхней прослойкой ремесленников¹⁸. Тут надо иметь в виду, что слово «житий» в древнерусском языке означало «богатый», «зажиточный», поэтому в различных русских государственных образованиях под таким названием фигурировали различные социальные категории. Житьи люди известны также в Твери¹⁹, где они были ниже «гостей» — купцов, занимавшихся внешней торговлей, — и, возможно, также относились к богатым ремесленникам, как и в Пскове.

Согласно гипотезе И.Д. Беляева, новгородские житьи произошли от «вятших» купцов, но при этом сохраняли связь с купеческим сословием, просто приобрели особое название²⁰. Однако следует отметить, что они не являлись профессиональными торговцами и ни один новгородский договор о торговле с ганзейскими партнерами их не упоминает²¹.

В настоящее время концепцию И.Д. Беляева развивает П.В. Лукин. По его мнению, житьи относятся к купцам-землевладельцам²². Тем не менее 17-я и 18-я статьи Новгородской судной грамоты относят как житьих, так и купцов к числу землевладельческих социальных категорий: «А целовать боярину и житьему и купцю, как за свою землю, так и за женню. А позовут боярина и житьего и купца в его земле, или в женне, ино ему отвячать, или ответчика послать в свое место и в женне, по тому крестному целованью»²³. Таким образом, новгородцы не относили житьих к купцам и также к тем из них, кто владел землей. Кроме того, как сказано выше, житьи, в отличие от купцов, не были профессионально связаны с торговлей. По мнению П.В. Лукина, житьи фигурируют в немецкоязычном варианте опасной грамоты Новгорода ливонским послам 1472 г. в качестве богатых купцов: *wolmagenden copluden*. А следующих за ними старейших купцов — *oldesten copluden*, исследователь автоматически соотносит с купеческими старостами русскоязычного аналога²⁴. Вместе с тем известно, что купеческие старосты в ганзейских документах именовались *olderman* по аналогии со старостами немецкого купеческого двора

в том же Новгороде, поэтому, скорее всего, здесь речь идет не о них, тем более что купеческие старосты всегда упоминались в документах раньше других купцов и никогда не упоминались после богатейших. В древнерусском тексте грамоты старосты купцов также указаны перед купцами, а не после них.

Кроме того, сам П.В. Лукин признает отличия германоязычного формуляра от русскоязычного. Например, в первом отсутствуют собственно купцы, а есть дети купеческие, в то время как во втором перечислены обе категории купеческого сословия²⁵. В этой связи оба они не являются настолько близкими, чтобы уверенно относить упомянутых после бояр богатейших купцов к житьим, фигурирующим в русскоязычном тексте вслед за боярством. Видимо, житьих тут немецкие переводчики просто опустили, так как они, не являясь ни профессиональными торговцами, ни представителями высшего боярского сословия, не фигурировали в новгородско-ганзейских торговых договорах времен Новгородской независимости и с точки зрения ганзейцев интереса не представляли²⁶. Купеческих старост тоже не упомянули, зато купцов русскоязычного варианта разделили на богатейших и старейших. Таким образом, у нас нет оснований ни отказывать житьим в статусе особой свободной категории новгородского общества, ни относить их к той или иной прослойке купечества.

Согласно другому мнению, наиболее развернуто обоснованному О.В. Мартышиным, житьи вообще не представляли собой отдельной социальной категории, смыкаясь с крупными купцами. Исследователь приводит в пример Якова Царищева, купца, который в 1477/1478 г. регулярно ходил в числе нескольких новгородских представителей от житьих на переговоры в ставку Ивана III в Поозерье, а также арестованного в 1478 г. купеческого старосту Марка Панфиловича, которого исследователь почему-то уверенно считает сыном Панфила Селифантова, называемого им житьим²⁷. Но Яков Царищев всегда упоминается после четверых представителей от житьих²⁸, и подчеркнута назван купцом. Это говорит о его особом статусе. И, скорее всего, он житьих, в

отличие от остальных, не представлял. Правда, в этом случае стоит сделать вывод, что он во время переговоров речей не произносил, хотя это вполне может быть объяснимо его незнатным происхождением. Когда в январе 1478 г. Иван III через своих бояр передавал новгородским делегатам от бояр, житых и черных людей требование очистить вечевого Ярославов двор, княжеским людям ответили все, кроме «черных», которые не подали голоса, подчиняясь авторитету своих более знатных спутников²⁹.

Любопытно, что об эпизодически присутствовавших на тех зимних переговорах пятерых черных людях в источнике прямо сказано, что они представляли каждый из 5 городских «концовь»³⁰. Но о какой бы то ни было связи постоянно ездивших в великокняжескую ставку представителей от житых с кончанским представительством ничего не говорится. Не потому ли, что их было вовсе не пятеро, а четверо, так как купец Царищев к ним отношения не имел, а представлял только свое купечество? К слову сказать, как будет показано ниже, представителями от житых далеко не всегда отправляли самих житых людей. Иногда их выбирали из бояр, не занимавших государственных должностей (в то время как от лица самого боярства выступали должностные лица). Что касается Марка Панфиловича, то о его отце нам ничего не известно, кроме имени. Следовательно, нет достаточного основания отождествлять его с Панфилом Селифонтовичем только потому, что они являлись тезками. Иначе бы пришлось, к примеру, считать одним лицом двух Яковов Ивановичей — новгородского тысяцкого и представителя от «житых»³¹, заключавших с Василием II в 1456 г. Яжелбицкий мир.

Таким образом, житых следует относить к самостоятельной социальной категории новгородского общества. И когда в источниках упоминаются купцы, их не следует связывать с интересующим нас сословием. Не следует исключать происхождение новгородских житых от одной из категорий местной элиты.

В.Л. Янин предположил их генезис от «менших бояр», упомянутых в Церковном уставе Ярослава Мудрого XI в. применительно ко всем областям

Руси³². По мнению некоторых исследователей, терминология этого памятника заимствована из Болгарии³³. Вместе с тем, как отметил В.Л. Янин, если бы подобной страты на Руси не было, ее бы не включили в русское законодательство, строго регламентирующее суммы штрафов за определенные преступления применительно к общерусским реалиям³⁴. Во всяком случае новгородское боярство было неоднородным. Под 1475/1476 г. Новгородская IV летопись упоминает «Новгородцкихъ 6 бояриновъ великихъ», а еще при описании похода на Новгородскую землю войск Дмитрия Донского в 1386/1387 г. в ней фигурируют «большие» бояре новгородского пригорода Торжка³⁵. Логичнее всего предположить, что новгородские житьи произошли от какой-то низшей категории местной аристократии³⁶.

Новгородские житьи — дипломаты и воеводы на рубеже XIV–XV вв.

Прежде всего, следует оговориться, что, когда в XV в. житьи впервые упоминаются в двух новгородских договорах, заключенных с литовскими великими князьями в 1430-х гг.³⁷, в них говорится именно о новгородских делегатах «от житьих»³⁸. Но, как будет показано ниже, представлять житьих людей иногда делегировали бояр, не занимавших государственных должностей в Новгороде.

Таким образом, фактическое упоминание житьих людей в XV в. относится к 1436 г., где они прямо названы житьими в новгородских источниках.

В этой связи, на мой взгляд, имеет смысл рассмотреть известия новгородского летописания об участии новгородских житьих в дипломатических переговорах с Дмитрием Донским и военном походе в Заволочье конца XIV в. Это позволит достаточно четко представить себе роль житьих в новгородской внешней политике и войске на рубеже XIV–XV вв.

В 6888 (1380) г.³⁹, согласно Новгородской I летописи, «много» «житьих

мужей» и бояр вместе с архиепископом Алексеем по поручению новгородцев отправились в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу, выехав из Новгорода на 5 воскресенье поста «за неделю до цветной недели» — Вербного воскресенья⁴⁰. Поскольку Пасха в тот год пришлась на Благовещение⁴¹ (25 марта), нетрудно подсчитать, что посольство с жителями отбыло из Новгорода за 14 дней до нее, т.е. 11-го числа. Согласно Пространной редакции летописной повести о Куликовской битве, запечатленной в Софийской I и Новгородской IV летописи, в Москву они прибыли в «великое говение», т.е. до конца 7 седмицы поста⁴². И, очевидно, провели там Пасху — Велик день, пришедшийся в тот год на 25 число — день Благовещения. (Вообще летописная повесть о Куликовской битве не является памятником новгородского происхождения, однако новгородский хронист сделал в ней приписку о весеннем новгородском посольстве в Москву. В других летописных памятниках, не относящихся к новгородско-софийской группе, этот эпизод отсутствует. Поскольку указанные летописи содержат свод 1418 г., данная вставка была сделана новгородским книжником не позже начала XV в. — М. Н.)

Новгородские летописи молчат о причинах, сподвигнувших новгородцев отправить посольство в Москву, а также о ходе переговоров. Однако отношения Новгорода и Москвы были напряженными: за несколько лет до этого новгородские ушкуйники пограбили московский город Кострому, а зимой 1379/1380 г. новгородцы приняли к себе на службу князя Юрия Наримунтовича, союзника Ягайло, с которым Дмитрий Иванович враждовал. В этой связи теперь Новгород, очевидно, решил для предотвращения конфликта послать своих делегатов в великокняжескую столицу лично засвидетельствовать свою «любовь» к московскому князю.

О ходе переговоров с Дмитрием Ивановичем новгородские источники сведений не дают. Лишь Новгородская I летопись патетически отмечает, что великий князь «прия» «любовь новгородцев» и «целоваль на всей старине

новгородчѣской и на старых грамотах»⁴³. Но на самом деле не все было так просто. Со своей стороны новгородским послам, в числе которых были житѣи, пришлось пообещать кое-что взамен. Согласно предположению О.В. Кузьминой, на переговорах с великим князем шла речь об участии новгородского ополчения на стороне Москвы в предстоящей войне с ордынцами⁴⁴. Присутствие новгородцев на Куликовом поле ныне можно считать доказанным фактом⁴⁵. Из множества источников, привлеченных С.Н. Азбелевым, заслуживают серьезного внимания сведения знаменитого скорбного новгородского синодика Борисоглебской церкви о павших на Дону новгородских ратниках, а также свидетельства немецких источников о неких русских, ограбленных литовцами по пути с Куликова поля. Если бы среди пострадавших были бойцы Северо-Восточной Руси, этот инцидент, несомненно, нашел бы отражение в тамошнем летописании. Речь, безусловно, идет о новгородцах. Что касается синодика, то к аргументации С.Н. Азбелева нужно добавить то обстоятельство, что перечисление войн, в которых новгородцы несли потери, заканчиваются не просто сражением под Русой 1456 г. В источнике сообщается, что новгородцы пострадали при Василии II как в «Новгороде», так и «на Руси»⁴⁶ (т. е., в Московской земле. — *М.Н.*). Перед нами — характерное именно для времен Новгородской независимости употребление названия Руси в узком смысле, как синонима Низовской, Северо-восточной Руси, в данном случае, несомненно, Московского княжества, куда Василий Темный после боя под Русой отправил пленных новгородских бояр. Таким образом, интересующий нас перечень боев, где пали новгородцы относится ко временам внуков участников Мамаева побоища, помнящих живых ветеранов⁴⁷. Однако для Новгорода участие в Куликовской битве не являлось предметом гордости и в старших новгородских летописях старательно скрывалось. В торжественном рассказе о победе русского оружия новгородские хронисты предпочитали не упоминать о причастности к этому своих земляков. Как видно, те участвовали в Куликовской битве не по доброй воле, а по какому-то

обязательству по отношению к московскому правителю. Дано оно было, очевидно, в те мартовские дни 1380 г., когда новгородское посольство лично прибыло к московскому князю. Тогда в Москве уже, надо полагать, понимали неизбежность скорого решительного столкновения с Ордой. А у новгородских послов, чьи сограждане-ушкуйники недавно нанесли ущерб Московскому княжеству, не оставалось иного выхода, кроме как согласиться послать новгородские войска участвовать в московско-ордынской войне. Иначе великий князь имел все основания их «любовь» не принять.

Весьма любопытно, что именно новгородский сводчик сделал вставку о новгородском посольстве в Москву в пространной редакции летописной повести о Куликовской битве. Собственно говоря, с нее в Новгородской IV и Софийской I летописи и начинается повесть. Как видно, для новгородцев это весеннее посольство однозначно имело непосредственное отношение к осеннему побоищу. Этому может быть, на наш взгляд, дано лишь одно разумное объяснение: Дмитрий Иванович потребовал от новгородских послов, чтобы новгородцы приняли участие в скорой московской войне с ордынцами. А раз, как было сказано, новгородский книжник сделал данную вставку не позднее 1418 г., значит, в то время еще была жива память о битве, а, может быть, и оставался в живых кто-то из ее ветеранов.

В наше время итог Куликовской битвы по праву считается важной победой русских войск, которая показала, что объединенными усилиями русские земли способны противостоять ордынскому игу. Но в марте 1380 г. новгородцы никак не могли гарантированно предугадать победный исход предстоявшей кампании, зато им было известно, чем кончилась для московского войска за два года до этого битва на р. Пьяна, а от татарских набегов они не страдали и воевать с ордынцами никогда не стремились. И, безусловно, они отдавали себе отчет в том, что им со времен Александра Невского приходилось периодически выплачивать великим князьям в Орду дань, размер которой мог в случае разгрома русских войск увеличиться. Таким

образом, чтобы сохранить с Москвой мирные отношения, новгородские делегаты вынужденно согласились послать войско участвовать в рискованном московском предприятии с неясным исходом. Стоит ли удивляться, что новгородское официальное летописание скрывало участие новгородцев в Куликовской битве. Ведь для Новгорода это было прежде всего вынужденное выполнение вассального обязательства по отношению к великому князю, а не добровольный вклад в победу над общим врагом, поэтому ни в самостоятельном рассказе Новгородской I летописи о Куликовской битве, ни в слегка обработанной новгородским сводчиком среднерусской пространной редакции летописной повести об этом сражении нет ни слова об участии новгородцев в побоище, зато упоминается весеннее новгородское посольство в Москву, в составе которого, как сказано выше, были житьи.

Таким образом, житьи, «житьи мужи», наряду с боярами и архиепископом представляли Новгород во время проходящих в Москве дипломатических переговоров с Дмитрием Донским. Другое дело, что роль делегатов от житьих была малозначительна по сравнению с боярами. Новгородская IV и Софийская I летопись, к примеру, их вовсе не удостоили упоминанием, называя в числе послов лишь архиепископа и бояр⁴⁸.

Под 6892 (1384) г. говорится о присутствии житьих людей вместе с боярами во время Петрова поста при закладке крепости Ям (нын. Кингисепп в Ленинградской области)⁴⁹. Крепость была сооружена за 33 дня. Согласно Новгородской I летописи, «город» был изначально построен из камня⁵⁰. До постройки Ивангорода при Иване III это было самое близкое к ливонской границе новгородское укрепление. В дальнейшем этой крепости суждено будет неоднократно успешно выдержать осады шведов и ливонцев.

В 1386 г. житьи упоминаются в числе новгородских вечников, отменявших митрополичьи суды на территориях Новгородской земли. Кроме того, на владычном суде каждая тяжущаяся сторона должна была теперь привлекать по двух бояр и двух житьих (по одному с каждой стороны

Новгорода, раскинувшегося на обоих берегах р. Волхов). Приведем запись из Новгородской IV летописи на Великий пост 6893 г. (т.е. до 1 марта 1386 г. — М.Н.): «...Той зимы бысть целование в великий пост по сборе на 2 неделе: целоваше крестъ Федор посадник Тимофеевич, тысячкой Богдан Обакунович, на вечи на княже дворе, и вси боляре, и дети болярские, и житьеи, и черные люди, и вся пять концов, что не зватися к митрополиту, а судить владыке Алексию по праву и по манакануну, а на суд поднати двема истецем по два болярина со стороны и два житья человека»⁵¹.

Таким образом, житьи выступают здесь в качестве представителей второго новгородского свободного светского сословия после боярства, допущенного наряду с ним к участию во владычном судопроизводстве, не то в виде свидетелей, не то в роли адвокатов. Другое дело, что в перечне участников вечеа они стоят не только после бояр, но даже ниже детей боярских — служилых людей великого князя, обычно не значившихся в источниках в числе новгородских вечников, но в тот раз, как видно, специально приглашенных на вече, поскольку отмена митрополичьего суда на территории Новгородской епархии, безусловно, задевала престиж великокняжеской власти в Новгородской земле. Вместе с тем великокняжеские люди, включая самого наместника, не пользовались в Новгородской земле большим влиянием (и в данном случае тоже: они вынуждены были примириться с этим новгородским вечевым постановлением, попирающим московскую власть в Новгородской земле)⁵². Следовательно, новгородские житьи, которых боярский Новгород ставил ниже княжьих детей боярских, — тем более.

Процитированное выше известие интересно тем, что по форме оно не напоминает обычные описания вечевых собраний, зато весьма похоже на текст «вечной» — вечевой грамоты⁵³. Другое дело, что в актах место вечевых собраний обычно называется «Ярославль двор». Но не исключено, что летописец специально подчеркнул, что такое попирающее авторитет великокняжеской власти постановление было принято на древнем княжеском

дворе. Как видно, хронист использовал текст аутентичной публично-правовой грамоты, фиксирующей постановления, принятые на том вечевом собрании.

В летописи практически без изменений воспроизведен текст той самой «грамоты», которая впоследствии неоднократно упоминалась в 1390-х гг., и в 1393 г. была доставлена новгородскими послами в Москву, где и была уничтожена митрополитом Киприаном⁵⁴.

Так как новгородцы отказались от митрополичьих судов до 1 марта 1386 г., уже на второй неделе Великого поста, следовательно, грамота была составлена в пределах февраля. Это, очевидно, послужило поводом для великого московского князя в конце того же года пойти на Новгород войной с большим войском, а именно в ближайший холодный сезон, когда великокняжеские войска обычно совершали походы на болотистую Новгородскую землю. Формально Дмитрий Донской обвинял новгородцев в ушкуйничьем набеге на Кострому и невыплате каких-то княжеских пошлин. В историографии правомерность этих претензий не ставится под сомнение. Тем не менее, это были не более чем формальные предлоги для войны, поскольку тот поход ушкуйников состоялся более 10 лет назад, после чего новгородцы состояли с этим князем во вполне мирных отношениях. А прибывших собирать с Новгорода подати великокняжеских бояр — «Свиблову чадь» — новгородцы выгнали еще в 1384/1385 г., и хотя они так и не пришли с ними к соглашению, но «черный бор» — ордынский выход — исправно уплатили оставшимся княжеским посланцам более низкого социального статуса. Другое дело, что у Дмитрия Донского были веские причины избегать излишних разговоров о митрополичьих судах. Едва ли он хотел излишне распространяться о сложной ситуации на московской митрополичьей кафедре, где имелось несколько кандидатов, получивших грамоты патриархов, несмотря на откровенные нарушения церковных канонов⁵⁵. Вдобавок, в 1385 г. с точки зрения московских властей новгородцы, несомненно, поступили хорошо, отказав в митрополичьем суде Пимену⁵⁶, которого Дмитрий Иванович не хотел видеть у

себя на московской митрополии. Так что совершенно неудивительно, что московский князь воздержался от публичного обсуждения митрополичьего судопроизводства и придумал для своего похода другие поводы. В Новгородской земле Дмитрий встал в 30 верстах от города (очевидно, недалеко от бывшего монастыря Св. Николая Чудотворца на Понеделии, располагавшегося в восточном Приильменье примерно в 30 км к юго-востоку от Новгорода — М.Н.). С одной стороны, он не предпринимал попыток взять город штурмом, но, с другой стороны, не уводил войска, демонстрируя намерения идти на Новгород и опровергая предположения двух новгородских посольств о мире, создавая тем самым в городе напряженную обстановку. Не помогали и попытки новгородского архиепископа Алексея, посетившего великокняжескую ставку, купить мир за контрибуцию в 8000 рублей. Дмитрий Донской сознательно изматывал новгородцев, внушая им трепет по отношению к великокняжеской власти. Кроме того, усиливая напряженную атмосферу в Новгороде, он, как видно, послал почти под самый город к ручью Желотугу изгонную рать, которая быстро исчезла, когда новгородская рать выступила навстречу на четвертый день после Крещения (т.е. 10 января 1387 г.). После этого новгородцы остались выжигать пригородные монастыри, опасаясь осады, а сами послали, согласно Новгородской IV и Софийской I летописям, «архимандрита два да поповъ седмъ, и пять человекъ житиихъ, ис концевъ по человеку»⁵⁷.

По предположению О.В. Кузьминой, бояре не поехали, поскольку они, как наиболее авторитетные и профессиональные воины, остались оборонять город⁵⁸. Но в этот раз остался и архиепископ, а вместо него были отправлены представители духовенства более низких рангов. Очевидно, новгородцы, ожидавшие со стороны великокняжеского войска любой беды, теперь не решались отправлять ни владыку, ни бояр, опасаясь, что князь арестует их как наиболее важных новгородцев (в XV в. мы будем неоднократно видеть, что москвичи предпочитали увозить в полон в свое княжество именно бояр, а не

житых).

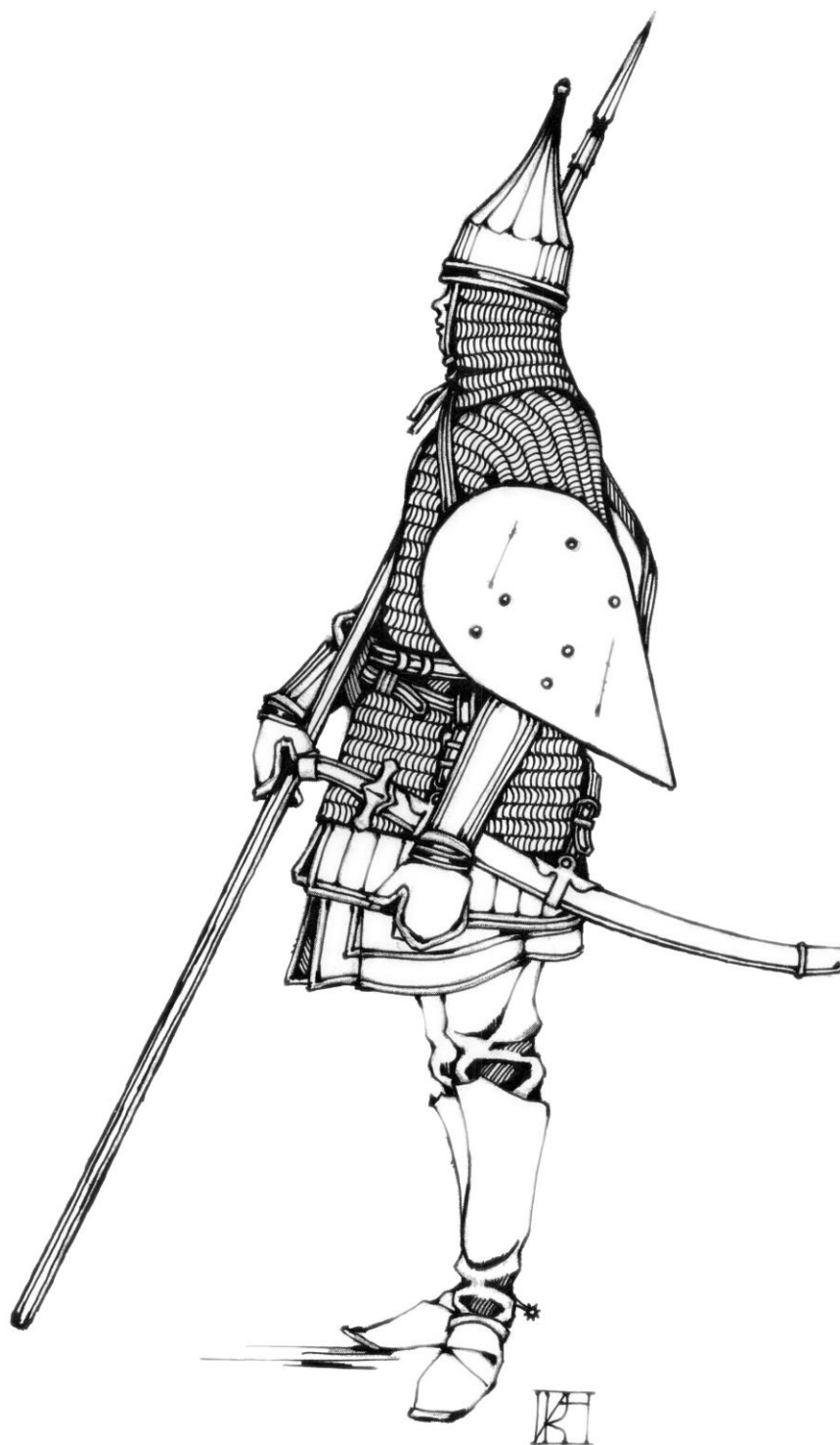
По-видимому, это посольство поначалу тоже не добилось успеха. После него княжеские полки разорили окрестный монастырь Св. Николая Чудотворца на Понеделии (который находился у р. Понедельки около деревни Поляны Новгородского района Новгородской области в 30 км к юго-востоку от Великого Новгорода) и округу, похватав там большой полон. Даже проживавшие в 300 км от Новгорода в Торжке «большие» бояре, и те поспешили укрыться под защитой новгородских укреплений. Тогда «преждереченнии» новгородские послы, житьи и представители духовенства по «владычню благословению» вновь прибыли к князю, сидевшему тогда в этом монастыре, и тот согласился заключить мир, взяв 8000 рублей контрибуции. Деньги, впрочем, передавали уже более высокопоставленные новгородские делегаты — бояре-посадники, и уже не в Понеделии, а в Ямнах⁵⁹ (нын. деревня Ямы Парфинского района Новгородской области, расположенная около Лажин в 50 км на юго-восток от Новгорода в юго-восточном Приильменье). Правда, тогда было дано лишь 3000 рублей, оставшиеся 5000 новгородцы взыскали с двинян, которые тоже участвовали в том походе речных пиратов 11-летней давности.

Весной 1398 г. новгородцы собирались в поход, отвоевывать Двинские земли, отнятые уже другим московским князем, Василием Дмитриевичем. Новгородская I летопись приводит сословный перечень новгородских воевод от бояр до детей купеческих: «И биша чолом [архиепискому] посадникъ Тимофей Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри, и дети боярьскыи и житьи люди и купечкыи дети, и вси их вои»⁶⁰. Житьи в нем, как и в 1398 г., шли не только после бояр, но и после детей боярских — на этот раз, разумеется, не великокняжеских, а служилых людей одного из новгородских служилых князей⁶¹. Как и следовало ожидать, в новгородском ополчении иерархия воевод полностью соответствовала социальной. Дети боярские имели меньше авторитета, чем воеводы-бояре, хотя их воинские навыки

профессиональных бойцов ценились больше всего — именно им было доверено главное дело всего похода — отвоевание Заволочья (куда они двинулись во главе с двумя новгородскими воеводами), в то время как сами новгородские ополченцы ограничились разорением тянувших к Москве земель русского Севера⁶². (Не исключено, что именно поэтому новгородский хронист подчеркнул присутствие среди «воевод» «детей боярских» на состоявшемся перед походом собрании новгородских ратников, ожидавших владычного благословения, хотя в новгородских актах дети боярские не упоминались в числе новгородских социальных категорий, участвовавших в политической жизни города, а, следовательно, с точки зрения современников, не входили в состав так называемого новгородского политического народа). Но житьи, как на вече, так и в качестве воевод, считались в боярской республике еще ниже служилых людей.

Правда, стоит отметить, что в указанный военный поход шли не все боеспособные мужи-новгородцы. Как известно, все воинство, включая служилых детей боярских, состояло лишь из 3000 чел.⁶³ Вполне возможно, что новгородцы предпочитали не ходить огромным полчищем, а совершать внезапные быстрые налеты, для чего трехтысячная рать подходила больше, чем, например, десятитысячная. Кроме того, значительная часть новгородских мужчин могла быть оставлена дома из практических соображений: для обороны города на случай ответного московского вторжения. И среди воевод отсутствовали собственно «купцы», упоминавшиеся в актах после житьих, но перед детьми купеческими. Недавно мы высказали предположение, что они соответствовали «пошлым купцам» из Иванского ста — самой богатой и авторитетной купеческой корпорации, при храме которой — Св. Иоанна Предтечи на Опоках — была палата мер и весов, а также действовал суд по торговым и гостиным делам⁶⁴. И если в долгий военный поход на Русский Север мобилизовалась лишь небольшая часть боеспособного новгородского населения, то неудивительно, что купеческая верхушка оставалась в городе,

чтобы вести внутреннюю и внешнюю торговлю. Ведь новгородцы не планировали блицкрига, а многие месяцы основательно разоряли тянувшие к Москве земли.

Житий на рубеже XIV-XV вв.

Рис. Красникова А.В., 2016 г.

Не исключено, что часть бояр, а возможно, и житых, тоже осталась в Новгороде. Но на тех житых, кто пошел воевать (надо думать, не только на воевод, но и на простых «воев»), распространялись традиции существовавших в новгородском обществе социальных отношений. Положение в обществе и на вече соответствовало и положению в ополчении.

Таким образом, к XV в. житы сложились в качестве второго свободного светского новгородского сословия после бояр. Они принимали участие в качестве делегатов в дипломатических переговорах с великими князьями и занимали место воевод на войне, но в боярской республике, а соответственно, и в ее внешней политике они не имели большого влияния. Не все источники удостоивают их внимания при перечислении участников новгородского посольства. На вече же в мирное время, равно как и в новгородском ополчении во время войны, житы считались ниже не только бояр, но и княжеских детей боярских. Эта картина вполне адекватна и для начала XV в. Такое же положение житы будут занимать и в 1440–1470-х гг.

Житы люди — дипломаты и ополченцы в 1441-1456 гг.

В первый раз в XV в. житы упоминаются в новгородском летописании за 1436 г., когда двое из них — Кузьма Татасин и Иван Максимов вместе с боярами в назначенный срок на Петров день (29 июня) явились «на отвод земли» — отмерять границу новгородских земель по Бежецкому верху⁶⁵.

Еще за два года до этого великий князь московский после поражения на р. Могзе, потеряв великое княжение, примчался в Новгород искать помощи и временного пристанища. Новгородцы помощи ему не дали, зато устроили вооруженную демонстрацию перед княжеской резиденцией и с помощью шантажа заставили его пообещать отдать им их исконные владения на Бежецком верху, отнятые великими князьями несколько десятилетий назад.

Впоследствии Василий II, вернувший себе великое княжение, вынужден

был сдержать свое обещание новгородским послам (хотя он уже отдал к тому времени Бежецкий верх в удел своему союзнику Дмитрию Красному) и назначил дату размежевания спорных земель – Петров день 1436 г., пообещав прислать туда своих бояр⁶⁶.

Однако к условленному сроку он уже расправился со своим соперником Василием Косым и, упрочившись на московском столе, вопреки старым договоренностям, своих людей к новгородским рубежам так и не прислал, цинично заставив новгородских делегатов прождать понапрасну. Лишь в ходе Коростынского мира Иван III вернет Новгороду эти земли.

Затем житьи упоминаются в новгородском летописании за 6949 (начало 1441) г. в качестве членов новгородской делегации, прибывшей к Василию Темному под город Демон заключать перемирие. В ту зиму великий московский князь Василий II решил проучить новгородцев за неуважение к великокняжеской власти. Поводом стали заключенные новгородцами и псковичами в 1440 г. неприятные для московского князя торговые договоры с новым великим князем литовским Казимиром IV Ягеллончиком⁶⁷. Но если с псковичами Василий II рассчитывать не стал и даже призвал их в поход как своих союзников, то новгородцам он, как видно, решил припомнить их прежнее своеволие, напав на Новгородскую землю в союзе с псковичами и тверскими войсками⁶⁸. Псковичи разорили западные рубежи Новгородской земли на 300 верст вдоль границ и на 50 — вглубь. (И, очевидно, именно они убили некоего Мятля Порховского, имевшего отношение к расположенному возле псковского рубежа укрепленному новгородскому пригороду на р. Шелонь Порхову (нын. город в Псковской обл.) А москвичи (с которыми, надо полагать, шли и тверские полки), соответственно, пришли с южным границам новгородских владений и, по версиям московских хронистов⁶⁹, взяли расположенную неподалеку от них новгородскую крепость Демон, находившуюся в районе г. Демянск, центра одноименного района Новгородской обл. В настоящее время с ней обычно идентифицируют расположенное в 8 км от него близ деревни Пески

на правом берегу р. Явонь городище Княжая гора. Древняя история этого памятника, воссозданная с помощью археологических изысканий, не противоречит письменным известиям о средневековом Демоне⁷⁰. Впрочем, в новгородском летописании о взятии Демона не сказано, зато говорится, что князь встретил новгородскую делегацию под Демоном⁷¹. Аналогичную картину описывают и сочувствующие великому князю псковские хронисты⁷². Не исключено в этой связи, что взятия крепости как такового не было. Может быть, разве что, лишь после подписания мира с новгородцами московский князь зашел в город на постой или по уговору с новгородцами взял с него откуп на правах победителя в кампании.

К слову сказать, Василием II Демон ни разу и не был взят. В феврале 1456 г. Василий Темный простоял под ним с войском, да так и ушел ни с чем, потеряв убитыми некоторое количество своих «шестников»⁷³. А летом 1471 г, не позже 11 июля⁷⁴ под ним встали войска князя Холмского, которые вскоре по приказу Ивана III сменили воины удельного князя Вереи Михаил Андреевич. Последний простоял под городом некоторое время, но дождался капитуляции тамошних воевод и получил откуп с демонцев судя по контексту рассказа великокняжеского хрониста, лишь после того как пришла весть о разгроме новгородцев на Шелони. Когда 18 июля в Яжелбицах великий князь получил весть о поражении новгородцев в Шелонской битве, у него находился новгородский владычный посол, боярин Лука Клементьевич, просивший выдать ему на обратный путь опасную грамоту – документ, обеспечивающий неприкосновенность в случае встречи с великокняжескими войсками. Однако Иван III отпустил владычного делегата в Новгород лишь «с Селищ противу Демона», после чего, по словам хрониста, демонские воеводы и горожане сдались Михаилу Верейскому⁷⁵. Не исключено, что Иван III специально так поступил, чтоб продемонстрировать демонцам пораженческое состояние новгородцев. И, вероятно, это и послужило причиной капитуляции города. А мимо Демона он проходил по пути из Яжелбиц в Русу, куда прибыл 24 числа.

Таким образом, Демон продержался примерно до начала 20-х чисел июля, в течении декады, а может быть, и полутора. И, вероятнее всего, мог бы выдерживать неприятельскую осаду еще в течении некоторого времени. Городок не имел каменных стен. Однако крутые склоны Княжой горы очень неудобны для штурма. Неудивительно, что в 1441 г. он тоже фактически не был взят москвичами и тверичами.

Княжая гора - место новгородского городка Демон.

Современный вид.

Новгородцы в свою очередь разорили окрестности тянувшего к Москве Великого Устюга, но сам город не взяли. И, не решаясь вступить в прямое вооруженное столкновение с московско-тверским и псковским войсками, послали к Василию II под Демон делегацию для заключения мира на

московских условиях.

В составе посольства новгородский летописец отмечает владыку Евфимия II, бояр и житых⁷⁶. Такая же информация есть в великокняжеском летописании. Там житьи вновь указаны после бояр (при этом летописец уточняет, что делегаты боярского происхождения являлись по совместительству высшими должностными лицами Новгорода — посадниками и тысяцкими)⁷⁷. Не исключено, что житьи играли в этом посольстве роль скромную: Ермолинская и псковские летописи не удостоивают их упоминания, сообщая лишь о приезде архиепископа с боярами-«посадниками» (или «посадниками и боярами»)⁷⁸. Впрочем, это вполне ожидаемо, несмотря на то, что житьи являлись в Новгороде вторым сословием после бояр, в конце XIV в. реальным влиянием в городе они не пользовались. И за пределами Новгородской земли тоже понимали, что они не относятся к числу подлинных хозяев Новгородской боярской республики (об этом выразительно свидетельствует отправленное в середине столетия послание в Новгород московского митрополита Феодосия, в котором он неоднократно запрещает посадникам, тысяцким и боярам «вступаться» во владычные земли и «пошлины»⁷⁹, но при этом не ожидает подобных действий от представителей новгородских небоярских слоев, в том числе и от житых).

Приняв новгородских послов под Демоном, Василий II согласился заключить с Новгородом перемирие, но потребовал выплаты контрибуции, составлявшей, по свидетельству новгородских и некоторых иных источников, 8000 рублей. Кроме того, великий князь взял с Новгорода некоторые оброки и пошлины, которые ему причитались «по старине».

Следующее упоминание житых в делах внешней политики Новгорода связано со следующей московско-новгородской войной в 1456 г. В этот раз Василий II посчитался с новгородцами за то, что они выказывали явное неуважение к великокняжеской власти, принимая у себя их злейшего врага — Дмитрия Шемяку и членов шемякиной семьи.

В 1456 г. житьи люди упомянуты в новгородском летописании в составе отряда служилого князя Василия Шуйского, который в понедельник на масленой неделе — 2 февраля — после обедни выехал из Новгорода в сторону занятого великокняжеским войском новгородского пригорода Русы (г. Старая Руса). В соответствии со своим социальным положением они упоминаются после высшего новгородского сословия — бояр, но перед «молодыми людьми»⁸⁰.

В состоявшемся на другое утро сражении под Русой, 3 февраля 1456 г., ведущую роль, по-видимому, играли бояре. Повествуя об отъезде новгородского войска Шуйского от места ночлега во Взваде к Русе, летописец упоминает лишь самого служилого князя и новгородских бояр⁸¹. (Хотя в бою под Русой были ранены и «молодые» люди, а при отступлении новгородцев фигурируют и служилые люди - «дворяне» Шуйского⁸². — М.Н.) Можно допустить, что это связано не только с важным положением знати в новгородском обществе, но и со значимой ролью их в этом сражении. Надо иметь в виду, в XV в. в новгородском войске повышается боевая роль местной знати. Появляется состоящая из «больших людей» — бояр — «владычная» рать, представляющая собой первое профессиональное войско, поскольку она несла военную службу в том числе и в мирное время⁸³. Но и прочие бояре, относительно хорошо вооруженные, тоже иногда играли весьма важную роль в сражениях. Наиболее наглядным примером может послужить война шведов с новгородцами за Орешек в 1462 г. В тот раз бояре, как обычные, так и владычные люди во главе с тем же служилым новгородским князем Шуйским сыграли ведущую роль в обороне истока Невы от шведских рыцарей⁸⁴.

Что касается житьих в сражении под Русой, то они не упоминались ни в числе раненых наряду с «дворянами» Шуйского, ни в числе убитых. Вероятно, таковых практически не было. Или, во всяком случае, было относительно мало, и это с точки зрения новгородского летописца не заслуживало особенного внимания. Среди раненых и погибших новгородский хронист, помимо

некоторых бояр, упоминает и «молодых людей»: последние фигурируют в качестве «битыхъ» (видимо, ударным оружием, типа шестопера — М.Н.)⁸⁵ и «раненныхъ» новгородцев, которых было, по его словам, «много», и все они скончались от боевых травм, но только не быстрой смертью, а много часов спустя, преодолев около 70 км до дома, «прибежавше в Новгородъ и помороша»⁸⁶. При этом книжник подчеркнул, что это были «не бояре, но молодии (незнатные — М. Н.) люди»⁸⁷. Выше, при перечислении участников похода, летописец упоминает «молодехъ людей» в качестве низшей социальной категории, помещая их на последнем месте после бояр и житыхъ⁸⁸. В некоторых статьях Новгородской судной грамоты «молодчий» также оказывается противопоставлен боярину и житьему. В договорной грамоте Новгорода с Казимиром IV 1471 г. при перечислении подсудных королевскому наместнику социальных категорий Новгородской земли «молодший» тоже значится после бояр и житыхъ, но при этом перед «селянином»⁸⁹, что определенно говорит о его принадлежности к низшим слоям городского населения. Надо полагать, это понятие объединяло незнатные городские слои — купцов и черных людей⁹⁰. (Но почему купцов и черных людей, в отличие от бояр, да еще в столь массовом количестве постигла такая участь, летописец не сообщил. Можно лишь предполагать, что они медленно умирали от черепно-мозговых травм и повреждений внутренних органов. В то время при относительно низком уровне медицинских навыков такие недуги врачевать не умели. Следовательно, если бы такую травму получил кто-нибудь из бояр, то и он, даже при самом качественном уходе, умер бы в течение того же самого времени, что и его «молодии» соратники. Однако нет оснований связывать травмы незнатных воинов с их худшими военными навыками. Как показывает практика современных бугуртов, там травматизм далеко не всегда находился в прямой зависимости от степени обученности участников⁹¹. Вероятнее всего, сказалось худшее качество доспехов рядовых новгородцев, более податливых для прободения или с более низким уровнем амортизации. Что касается

житых, то они так не пострадали, из чего можно сделать вывод, что на них были доспехи лучшего качества. Впрочем, надо заметить, что в той кампании новгородцы были вооружены и оснащены в определенном отношении унифицированно: известно, что житыи и бояре и «молодые» были вооружены длинными копьями, удобными для конного боя, но совершенно не подходящими для сражения, когда воин теряет коня⁹², к тому же они были в столь крепких доспехах, что москвичи предпочитали стрелять по коням, а не по ним. По мнению исследователей, новгородцы были в тот бой вооружены по европейской традиции. Однако А.В. Быков высказал сомнение, что в тот раз у них были необычные доспехи и копья, сделанные на иноземный манер. Ученый сослался на отсутствие подобных археологических находок в новгородском культурном слое середины XV в. Но, по-видимому, новгородцы в XV в. все же пользовались иными копьями и носили другие доспехи, чем в том сражении. Во всяком случае, 15 лет спустя, в Шелонской битве, москвичи стреляли уже по новгородским воинам, а не только по лошадям⁹³, а когда под новгородцами забились подбитые кони, то никакого конфуза с длинными копьями они уже не испытали. В том же году в сражении на Северной Двине служилый князь В.В. Гребенка-Шуйский, несомненно, облаченный в доспех, был ранен стрелой⁹⁴. Возможно, в зимний поход к Русе против московской конницы их снарядили на иноземный манер. И там они были в нетипичных для Новгорода того времени доспехах и пользовались не самыми обычными для себя копьями. Но даже тогда социальное положение новгородских воинов сказывалось на качестве их доспехов, и простые новгородцы, в отличие от тех же житых, были в худших доспехах.

Не упомянуты житыи наряду с «дворянами» князя Шуйского и «молодыми» людьми и в числе пленников. В плен попали только бояре, а даже смертельно раненные «молодые люди» беспрепятственно дотащились до Новгорода⁹⁵. Последнее, впрочем, согласно ясному сообщению великокняжеского летописания, объясняется малочисленностью

великокняжеского войска, не желавшего обременять себя многолюдным полоном: «...А пойманных того ради было немного, некому было их имати, понеже мало бысть воинства великого князя»⁹⁶. В этой связи москвичи уводили в великокняжескую ставку только представителей элиты, которые во все времена считались наиболее важными пленниками⁹⁷.

Через некоторое время после поражения под Русой новгородцы решили заключить с Василием II мир и послали делегацию в великокняжескую ставку в село Яжелбицы. Там было подписано перемирие, скрепленное двумя грамотами — московской и новгородской. В обеих значатся представители «от житых»⁹⁸. Однако они не были житыми: в другой новгородской грамоте великому князю Василию Васильевичу об окончательной расплате по Яжелбицкому договору с обязательством очистить залого согласно Демонского докончания эти же лица упоминаются как «бояре новгородские»⁹⁹. Этот случай не был уникальным в новгородской практике. В 1459 г. сопровождать нового новгородского архиепископа Иону в Москву в числе иных новгородских делегатов поехали два человека от житых — Киприан Арзубьев и Афанасий Кукас¹⁰⁰. В то же время в новгородском летописании 1470-х гг. Киприан Сергеевич Арзубьев упомянут в числе «бояр»¹⁰¹. Современное летописание Московского княжества также относит его к числу бояр — «посадников» (так в Московском княжестве того времени иногда образно называли любых новгородских бояр, а не только обладателей посадничьей должности)¹⁰². А его сын Григорий (также выступавший в числе представителей «от житых» во время переговоров с Иваном III в 1477/78 г.) в 1475 г. был старостой Микитиной улицы¹⁰³. Было бы странно, если уличанским старостой назначили житего человека, когда как наибольшим авторитетом в городе, в том числе и на уличанском уровне, пользовались бояре. Именно представители высшего, боярского сословия, а не житы и не купцы, издавна выступали единоличными заказчиками городских церквей, к тому же и возведенных на улицах. Но поскольку Киприан и Григорий никогда не были высшими должностными лицами, посадниками и

тысяцкими, которые во время посольств во второй половине XV в. представляли бояр, они иногда шли в составе новгородских делегаций как бы от лица житых¹⁰⁴. В этой связи, когда мы в новгородских и иногородних источниках встречаем сведения о представителях «от житых», на самом деле речь может идти и о боярах, поэтому в дальнейшем мы будем опираться лишь на прямые упоминания житых. Но выявленные нами случаи отправки бояр в качестве делегатов от житых однозначно говорит о том, что житьи люди во внешнеполитической сфере не пользовались большим влиянием. Власть в республике принадлежала местной наследственной аристократии, боярству. Относительно высокое положение среди других светских небоярских слоев новгородского населения в XIV–XV вв. обеспечивало участие житых вместе с боярами в судебных коллегиях и некоторых дипломатических посольствах (как в 1441 г.). Участие в вече делало их участниками городского ополчения и формально приобщало к решению вопросов государственной важности, в том числе касающихся внешнеполитической сферы.

Новгородские житьи в 1470/1471 г. — вечники, воины, дипломаты

Вторая середина — вторая половина 1460-х гг. — достаточно темный период в истории новгородско-московских отношений. Источники не дают прямого указания на то, что послужило поводом для начавшегося в конце 1460-х гг. конфликта между Новгородом и Москвой, не сообщая, что именно заставило в это время часть новгородцев стремиться расторгнуть старые связи с великим князем и митрополитом и передать Новгород под юрисдикцию короля польского и великого князя литовского Казимира IV Ягеллончика.

В «Словесах избранных» сообщается, что еще до приглашения в Новгород литовского князя Михаила Олельковича¹⁰⁵ у Ивана III с новгородцами возник конфликт из-за спорных пограничных земель, жителей которых новгородцы считали своими подданными, а не московскими. Кроме

того, новгородцы не «отдавали пошлин». Из Москвы в Новгород прибыл «посол», видимо, для их увещевания. Но они невежливо держали себя с послом и великокняжескими наместниками. Кроме того, вероятно, они приняли какие-то меры для укрепления власти Новгорода в спорных порубежных землях, примыкавших к московским владениям и уделам младших братьев Великого князя (очевидно, Андрея Меньшого Вологодского и Андрея Большого Углицкого, в удел которого входил Бежецкий верх, предмет давних споров новгородцев и великих князей — М.Н.). Великий князь послал к ним новых послов с настойчивой просьбой «исправиться». Новгородцы это проигнорировали и отправили к князю своего делегата Василия Ананьина, который обращался к великому князю через его бояр о делах «земских» и «новгородских», но не поддерживал разговора о новгородских «неисправлениях» и «грубости», ссылаясь, что про то ему говорить не велено. Тогда Иван III отослал его назад ни с чем, передав через него новгородцам, что нехорошо им обращаться к нему со своими делами, «забывая» о том, что сами ему «грубят», а в его земли они не должны «вступаться», а его имя должны держать «честно и грозно». Следовательно, главная причина конфликта крылась именно в притязаниях на спорные порубежные земли, которые и Иван III, и новгородцы считали своими. Вероятнее всего, речь шла о Бежецком верхе и окрестностях Вологды, а также о Двинских землях¹⁰⁶. Одновременно в Псков был отправлен посол с наказом псковичам выступать заодно с москвичами в случае предстоящей войны¹⁰⁷. Видимо, после этого новгородцы и решились заручиться поддержкой Литвы и пригласили на княжение князя Михаила Олельковича. После поражения под Русой в 1456 г. они прочно усвоили военное превосходство профессиональной служилой конницы и не хотели с ней воевать без союзников. Надо полагать, составитель Словес, сообщая уникальные сведения о конфликте новгородцев с Иваном III из-за спорных порубежных земель и о непочтительном обращении с великокняжескими людьми в поездке в Москву новгородского посла Василия Ананьина, опирался

на документальный материал¹⁰⁸.

Таким образом, в конце 1460-х гг. в Новгороде заявили о себе люди, считавшие, что для сохранения Новгородской автономии надо разорвать старые связи с московским великим князем и митрополитом и перейти под покровительство Великого княжества Литовского. В последние месяцы жизни архиепископа Ионы они заняли в Новгороде достаточно влиятельные позиции. Еще при его жизни они пригласили в Новгород на княжение Михаила Олельковича, прибывшего в начале ноября, несколько дней спустя после смерти владыки. И до наступления зимы, опасаясь войны с Москвой, отправили на Двину своего служилого князя Гребенку Шуйского, понимая, что в случае военного разрыва москвичи не упустят шанса отправить туда рать. А в конце 1470 г. лидеры литовской партии стали настойчиво требовать не отправлять нового архиепископа Феофила на традиционное поставление к московскому митрополиту, а послать на хиротонию в Киев. В то же время в Новгороде были и те, кто (ориентируясь, вероятно, на опыт Пскова), наоборот, «хотел» к «Москве». В конце 1470 — первой половине 1471 гг. новгородское вече стало ареной оживленных дебатов о дальнейшем внешнеполитическом курсе Новгорода.

По версии московского великокняжеского свода, в 1470/1471 г. житьи люди стояли за сохранение традиционных связей с великим московским князем и митрополитом и в конце года вместе с некоторым должностными лицами и нетитулованными боярами выступали на вече против намерения лидеров литовской партии послать нового владыку Феофила на поставление в Литву, предлагая отправить его по традиции на хиротонию к митрополиту московскому¹⁰⁹. Правда, из летописной повести не понятно, подразумеваются ли тут все житьи или только «многие» (как те же посадники)¹¹⁰. Тут надо иметь в виду, что московская повесть достаточно тенденциозный источник. Рядовых новгородцев, выступавших в союзе с лидерами литовской партии она старательно изображает как наемных «убийц», «шилльников», но в то же время

сторонников мира с Москвой представляет в качестве представителей высших сословий бояр и житых¹¹¹. Однако летописец все же оговорился, что Борецких поддерживали и прочие бедные, «безыменитые мужики», а при описании мобилизации новгородцев на Шелонь упоминает в числе сторонников мира с Москвой не только посадников и житых, но также купцов и ремесленников¹¹². Таким образом, даже согласно этому источнику, и в пролитовской, и в промосковской партии оказывались представители разных социальных категорий. Можно полагать, что житьи также были в обоих лагерях. Как еще в 1962 г. показал В.Л. Янин, два этих лагеря в то время обуславливались ярко выраженным территориальным характером, объединяя определенные городские районы. Поначалу за сохранение мира с Москвой стоял только Славенский конец, что и обеспечивало победу литовской партии¹¹³. Но, тем не менее, сам факт участия житых в вечевых дебатах о дальнейшем внешнеполитическом курсе Новгорода вполне согласуется с показаниями новгородских источников.

В договоре Новгорода с Казимиром IV 1471 г. житьи упоминаются как одна из категорий, принимавших участие в его утверждении¹¹⁴. (Указанные в нем пять новгородских послов от «житых», вероятно, относились к боярам. К примеру, один из них, Панфил Селифонтович, был потом известен как уличанский староста¹¹⁵, что, как уже говорилось выше, больше соответствовало боярству). Согласно этому договору, Новгород управлялся литовскими наместниками православного вероисповедания. Новгородцы старались органичить власть литовского великого князя и польского короля даже больше, чем московских великих князей. Договор запрещал литовцам взимать торговые пошлины. А наместник должен был прибывать в Новгородскую землю со свитой всего лишь в 30 человек. Как видно, новгородцы не хотели иметь в своих владениях сильное иноземное войско, способное оказать им сопротивление в случае возникновения разногласий.

Поскольку литовская партия в Новгороде не только смогла сорвать

поездку архиепископа на хиротонию в Москву, но и весной отправила в Литву посольство с целью передать Новгород под покровительство великого литовского князя, в конце весны Иван III послал на новгородскую землю большое войско.

После своего поражения под Русой в 1456 г. новгородцы больше не стремились вступать с профессиональной московской служилой конницей в большие открытые сражения. Лишь в начале июля две новгородские судовые рати безуспешно попытались внезапно атаковать и разгромить великокняжеское войско полководца Холмского, тогда как основные новгородские силы пошли на московских союзников, псковичей.

Решающую роль в кампании сыграла победа москвичей над ними в Шелонской битве. По иронии судьбы в это же самое время в низовьях реки Шелонь оказалось войско Холмского, которому было велено идти на соединение со псковичами. Вот только новгородцы шли по левому берегу, а москвичи по правому. Вечером 13 июля оба воинства завидели друг друга и стали на ночлег, каждое на своей стороне реки. Битва произошла на другой день, в утренние часы 14 июля 1471 г.

Новгородские житьи в ней приняли участие (при этом можно предполагать, что, как и в 1456 г. под Русой, они были в доспехах более высокого качества, чем «молодые люди»; по словам новгородского хрониста, перед сражениями новгородцы образно сравнивали себя с последними, говоря боярам владычного стяга, что их кони и доспехи в наилучшем состоянии)¹¹⁶. По сообщению Московского свода 1472 г., при разгроме новгородского войска в плен попало множество житьих¹¹⁷. На сей раз великокняжеское войско располагало большими силами и могло управляться с большим полонем, а не ограничиваться взятием в плен одних бояр, как это было в сражении под Русой 1456 г. Всего, по свидетельству великокняжеского летописца, в плен на Шелони попало 2000 человек. Однако хронист поясняет, что привел цифру со слов самих новгородцев, равно как и сведения о 12 000 убитых новгородских

ратников¹¹⁸. В то же время Ю.Г. Алексеев резонно усомнился в достоверности этих потерь в новгородском войске¹¹⁹. Нам тоже кажется, что число павших сильно завышено, так как в том столетии Новгород выставлял около 10 000 городских ополченцев или несколько более, но никак не десятки тысяч¹²⁰. А после поражения на Шелони новгородское войско все-таки не было вырезано даже наполовину, иначе это бы отразилось в новгородском и московском летописании, поэтому не исключено, что число пленных тоже преувеличено.

В «Словесах избранных иже толковых суть» — повести, составленной на рубеже XV–XVI вв., сказано, что в плен попало 1700 человек¹²¹. Цифра эта менее круглая, чем 2000, и поэтому, на первый взгляд, заслуживает большего доверия. Однако в данном позднем памятнике встречаются неточности, к примеру, ошибочные сведения о судовой рати новгородцев на Шелони¹²². Возможно, цифра 1700 соответствовала количеству убитых.

Как можно заключить из сообщения великокняжеского летописания, пленников хватили уже при отступлении новгородцев, когда те «побегоша», а «полцы же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их». Великокняжеское войско гналось за ними «дванадесят»¹²³ — 12 верст, а они скрывались в прибрежных лесах, и некоторых из них брали в плен, когда те из них выходили, после чего великокняжеские люди вернулись вместе с пленниками назад в великой усталости¹²⁴. Не исключено, что официальный московский летописец несколько преувеличил драматизм погони, описывая попытки новгородцев скрыться в лесах. Другое дело, что левый берег Шелони ниже Егольника и в наше время местами покрыт лесами. Материалы писцовых книг Шелонской пятины Великого Новгорода тоже не дают основания утверждать, что в средневековье подобного не было. Часть пленников, вероятно, схватили перед переправой через относительно широкую р. Мшагу¹²⁵, до которой, по некоторым псковским данным, великокняжеские воины преследовали новгородцев.

В утренние часы того же дня «по рану» все пленные новгородцы (т.е.

включая житых) предстали перед великокняжескими воеводами, стоявшими на «костях» — на том самом месте, где совсем недавно был новгородский лагерь. Далее Холмский и Хромой допросили пленников. Согласно великокняжескому летописанию, «начаша воеводы глаголати поиманым у них новгородцем: «Что ради вы с толиким множеством вои своихъ ни мала постоясте, и видяще малое наше воинство?» Они же рекоша к ним: «Мы бо видехом вас бесчисленное множество, грядущее на нас, не токмо противу и нас идуци, но еще инные полки видехом, в тыл по нас пришедших, знамена же имут жолты и болшие стяги и скипетры, и говоръ людцки мног и топот коньский страшен, и тако ужас нападе на ны, и страх объят ны, и приять нас трепет»¹²⁶. Московский хронист никак не комментирует показания новгородских пленников, надо думать, что они казались ему вполне естественными. Зато рассказ новгородцев о напавших на них сзади «полках» с особенными желтыми знаменами, большими стягами и скипетрами очень хорошо сочетается со свидетельством новгородского летописца о напавшей на новгородцев засадной «рати» татар, которая будто бы решила исход всего сражения в пользу москвичей¹²⁷.

Пленных доставили к Ивану III, получившему весть о победе в Яжелбицах 18 числа. Тот 24 июля, прибыв с ними в Русу, приказал казнить нескольких бояр, а «мелких людей» отпустил в Новгород. К мелким безусловно относились и житыи, так как согласно сведениям современных хронистов в Московскую землю отправили только пленных бояр¹²⁸, и даже среди тех пленников, кого отпустили в августе при заключении Коростынского мира с Новгородом (очевидно, за откуп)¹²⁹, были только представители боярства¹³⁰. В поздних «Словесах избранных» указано, что в Московскую землю были также отосланы некоторые пленные житыи¹³¹. Но поскольку составитель этого позднего и местами несколько путанного повествования о данной кампании иногда употреблял термин «житыи» не к месту, по ошибке отнеся к ним 2-х казненных в Русе новгородских бояр¹³², то следует больше доверять показаниям современных источников, в которых говорится об отправке туда

одних бояр.

По предположению Ю.Г. Алексеева, «мелких» отпустили для того, чтобы расколоть новгородское общество и перетянуть новгородское простонародье на свою сторону¹³³. Однако стоит иметь в виду, что как пленники они были менее ценными, чем бояре, и в Новгороде пользовались меньшим влиянием, поэтому Иван III, скорее всего, просто не счел целесообразным заниматься ими далее. Согласно резонному заключению Н.М. Карамзина, московский князь отпустил «людей слабых», которые «служили только... орудием» для бояр пролитовской партии¹³⁴. Едва ли случайно летописец вопреки обыкновению уничижительно называет их «мелкими»¹³⁵, а не меньшими, как было бы более грамотно с точки зрения социальной терминологии. (Новгородское свободное население, участвовавшее в вече, делилось на «старейших» и «меньших». Но в 16 статье Новгородской Судной грамоты житьи прямо противопоставляются «старейшим»¹³⁶ — боярам, что говорит об их принадлежности к новгородским «меньшим» людям, т.е. к небоярскому свободному светскому городскому населению).

После этого, согласно московскому великокняжескому летописанию, Иван III прибыл 27 июля к устью р. Шелонь. Очевидно, он встал напротив д. Голино, где в Средневековье был брод и шла дорога на Новгород, там в 1270/71 г. стояли друг против друга новгородское ополчение и великокняжеская рать Ярослава Ярославовича.

В тот же день туда на судах прибыли новгородские делегаты, среди которых были житьи¹³⁷. Новгородская и московская грамоты, фиксировавшие условия Коростынского мира, упоминают пятерых представителей «от житьих»: Луку Остафьевича, Александра Клементьевича, Федора Иевлевича, Окинф Васильевича, Дмитрия Михайловича¹³⁸. Но, впрочем, согласно вышеуказанному известию великокняжеского летописания, а также сообщениям Новгородской IV летописи и Устюжского свода, в тот раз это были настоящие житьи люди¹³⁹. По словам великокняжеского свода, житьи

были от всех новгородских концов, т.е. каждый представлял по одному из 5 городских районов¹⁴⁰.

Согласно свидетельству устюжской летописи, Иван III будто бы собирался дальше направить полки на осаду Новгорода. Услыхав это, новгородцы и отправили к нему своих делегатов молить о мире¹⁴¹. («Словеса Избранные, иже толковые суть» сообщают, что решение о заключении перемирия принимали разные слои новгородцев, включая житых¹⁴². Несмотря на литературный характер этого известия, оно правдоподобно, так как житьи не были лишены права участия в новгородском вече.) Рассказ Устюжского свода подтверждает сообщение типографской летописи о том, что, вняв мольбе новгородских послов, Иван III пощадил Новгород и «возвратися» с устья Шелони к месту, где было заключено перемирие¹⁴³ — окрестностям с. Коростынь у берега оз. Ильмень, в 15 км к юго-востоку от устья р. Шелонь.

Таким образом Иван III, очевидно, стремился вынудить новгородцев молить о мире на любых условиях. И своего великий князь добился.

27 июля новгородские делегаты прибыли в устье Шелони «и начыся преже бити челом княземъ и бояромъ, и воеводам великого князя, чтобы печаловалися братьи великого князя, а они бы печаловалися брату своему великому князю, да и сами бы бояре печаловалися. Бояре же пришед с ними, биша челом братьи великого князя, братья же великого князя, князь Юрьи, князь Андрей, князь Борис и князь Михайло Ондреевич съ сыномъ и бояре их биша за них челомъ великому князю. Князь же велики их дея пожаловал, велел тому нареченному чернцю Феофилу, и посадником, и тысячким, и прочим быти к себе на очи»¹⁴⁴. Мир был заключен в ставке великого князя у Коростыни. Летописи обычно привязывают его к с. Коростынь. Но великокняжеская летопись уточняет, что князь стать в месте «межю Берг и Коростын», что В.Л. Янин предложил интерпретировать как «между Бурегами и Коростыню»¹⁴⁵. Бурегы — бывший центр одноименного погоста — находятся в 5 км к юго-востоку от Коростыни. Добавим, что гипотеза В.Л.

Янина подтверждается известием новгородского жителя Михаила Клопского, согласно которому великий князь должен расположиться в Бурегах¹⁴⁶. Грамоты, скреплявшие Коростынское перемирие, датированы 11 августа. Со дня прибытия новгородской делегации на Шелонь к боярам и братьям Ивана III 27 июня до подписания мира прошло 15 суток. Видимо, новгородские делегаты с 5 жителями провели несколько дней у Голино в устье Шелони в ожидании великокняжеского приказа явиться к ним или продолжительное время прогостили на Ильмени у Ивана III, ожидая, когда тот даст им ответ.

Ю.Г. Алексеев анализировал текст московской грамоты Коростынского договора и отмечал, что она внесла ряд новых положений, способствовавших усилению в Новгородской земле великокняжеской власти¹⁴⁷. Тем не менее, некоторые условия новгородцы потом на практике не соблюдали: нарушали, например, запрет, содержащийся в московской грамоте Коростынского докончания, на вечевые акты¹⁴⁸. Не совсем ясно, что тут имеется в виду: запрещение вечевого действия как таковой с переходом всей полноты власти к великокняжескому наместнику, или, что более вероятно, новгородцам запрещалось составлять акты без ведома княжеских чиновников. Но Новгород это требование открыто нарушал, о чем свидетельствует, в частности, сохранившаяся в подлиннике и не скрепленная княжеской печатью Жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине 1477 г.¹⁴⁹. Новгородская грамота Коростынского докончания фиксирует сохранение основных новгородских прав, которые новгородцы с XIII в регулярно прописывали в договорах с князьями¹⁵⁰, поэтому неудивительно, что современное официальное новгородское и московское великокняжеское летописание в Коростынском рассказе фактически сводило все к возложенным на новгородцев обязательствам выплатить относительно крупную контрибуцию в 15 500 рублей (правда, новгородский хронист добавил, что Новгород теперь потерял право переходить под покровительство Литвы и ему не велено принимать у себя «отчицев» — проживавших в Литве сыновей Дмитрия

Шемяки и Ивана Можайского. Но ни о каких проявлениях усиления великокняжеской власти в Новгороде он тоже не сообщает. Следовательно, и новгородцы, и москвичи не воспринимали в то время это dokonчание в качестве реального ограничения новгородской независимости и укрепления влияния великокняжеских людей в Новгородской земле)¹⁵¹. Согласно заключению В.Н. Бернадского, «Во всем этом разноголосом хоре суждений о Коростынском мире... одно выступает совершенно отчетливо: никто из летописцев не усмотрел в Коростынском мире какого-либо покушения против основ новгородского вечевого порядка»¹⁵².

Кроме того, в соответствии с условиями Коростынского dokonчания Иван III переписал на свое имя и имя своего сына Ивана Молодого Новгородскую судную грамоту, сохранявшую традиционные новгородские суды. И именно новгородское вече, а не Иван III и Иван Молодой, носят в нем титул «государя»¹⁵³. (В числе вечников, принимавших участие, значатся и житьи люди, указанные согласно своему социальному положению между боярами и купцами. Они также упоминаются в ряде статей в качестве второго сословия после бояр, в частности, набранная по кончанскому принципу коллегия из бояр и житьих должна была в течение нескольких дней каждую неделю заседать на владычном суде¹⁵⁴.) По мнению В.Л. Янина, некоторые важные постановления Судной грамоты о смесном суде князя и посадника отражали более старые традиции, не соответствовали формулировкам московского акта Коростынского dokonчания и не были скорректированы «по недосмотру великокняжеской администрации»¹⁵⁵. Однако нам кажется, что Иван III вполне сознательно пошел на это, равно как и на сохранение в преамбуле документа наименования новгородского веча «государем», а себя и своего сына всего лишь «господами», откровенно признавая сохранение за Новгородом полную власть в сфере местного судопроизводства¹⁵⁶.

Осторожную политику Иван III проводил в то время и в отношении богатых промыслами новгородских Двинских земель. Согласно

великокняжескому летописанию, в то лето воеводы Ивана III со своими судовыми ратями привели тамошние городки в московское подданство¹⁵⁷. Ко второй половине 1471 г.¹⁵⁸ относится составленная с участием житых людей грамота Великого Новгорода Двинской земле о сложении крестного целования на подданство Новгороду ряда земель, отходящих во владение великого князя Ивана III. Житьи в ней упоминаются среди прочих слоев новгородских вечников, участвовавших в обсуждении принятых в ней постановлений, и указаны в актовой преамбуле после бояр, но перед купцами¹⁵⁹. По-видимому, эта грамота была составлена осенью, когда в Новгород пришла весть о победах великокняжеской рати на Двине. Ведь, согласно летнему Коростынскому договору, великий князь уступал новгородцам все спорные земли «за волоком», включая Пермь¹⁶⁰, которую, однако, вместе с рядом других северных земель те вновь передавали Московскому княжеству согласно грамоте Двине о сложении крестоцелования¹⁶¹.

Другое дело, что до присоединения Новгородской земли к Московскому государству в 1478 г. Иван III не занимался реальным установлением в Заволочье своей власти, поэтому за 2 дня до падения Новгорода, 13 января 1478 г., в ставке Ивана III вновь было сказано, что двиняне и заволочане должны «крестное целование новгородское себе сложити, а целовати им на великих князей имя»¹⁶².

В целом Иван III, будучи весьма прагматичным политиком, как видно, очень хорошо сознавал, что у его наместников нет необходимых инструментов для того, чтобы иметь в Новгороде большое влияние, поэтому он и не мог ожидать, что боярская республика будет во время его отсутствия исправно слушаться запретов. Но военная победа над новгородцами послужила важной вехой в поэтапном, неторопливом, но верном деле покорения Новгородской республики, которому московский князь посвятил годы, но преуспел, показав себя осторожным, расчетливым и в то же время достаточно решительным политиком.

В 1475 г. он въедет в Новгород в качестве сильного и строгого повелителя и судьи, и, вопреки старым традициям, отправит 6 осужденных им новгородских бояр в оковах Москву, показав тем самым, что никто в боярской республике не сможет уйти от его правосудия и повеления. В 1477 г. он потребует, чтоб новгородцы называли его государем и очистили под княжеское подворье главное место городских вечевых собраний. А отказ новгородцев подчиниться воспримет как повод пойти на них в карательный военный поход и упразднить их старые политические институты. В этих событиях участвовали и новгородские житьи. Но этому будет посвящена вторая часть данного исследования о житьих людях во внешней политике Великого Новгорода.

Подводя итоги, можно сказать, что житьи люди Новгорода во внешнеполитической сфере и воинстве в XV в. сохраняли достаточно устойчивое положение. Это может послужить дополнительным аргументом в пользу признания их выходцами из низшей аристократической страты, а не из относительно недавно возникшей прослойки богатейших черных людей, купцов и т.д. В условиях усиления власти избираемых из бояр новгородских должностных лиц (число которых в городе постепенно росло) положение таких нуворишей, надо думать, было бы нестабильным, они или старались бы дорваться до каких-либо государственных должностей, или, наоборот, были бы всячески оттесняемы правящим сословием боярской республики от участия во владычном суде, дипломатических посольствах. А этого не происходило.

Будучи членами вечевых собраний, житьи принимали участие в обсуждении вопросов, связанных с новгородской внешней политикой. От их имени составлялись соответствующие акты. Иногда житьи участвовали в дипломатических посольствах, в ходе которых вели мирные переговоры с великими московскими князьями. Но роль житьих в них не была большой: некоторые источники их даже не упоминают, сообщая лишь о более высокопоставленных делегатах — боярах, архиепископе. Иногда в XV в. в качестве представителей от житьих в посольствах к великим князьям

литовским и московским ездили бояре, не занимавшие государственных постов. В качестве вечников и военачальников житьи в боярском Новгороде значились не только ниже бояр, но и ниже княжеских служилых детей боярских. В отличие от бояр, которые в XV в. стали играть более значимую роль в сражениях и даже входили в состав первого профессионального новгородского воинского подразделения — боярского владычного полка, несшего военную службу в том числе и в мирное время, житьи подобных тенденций не демонстрировали. В этой связи остается загадкой, что бы ждало житьих людей, если бы Новгород сохранил свою независимость и процессы, наметившиеся в развитии его военного дела в XV в., смогли получить свое завершение. Если бы бояре постепенно составили профессиональное войско, занявшее место старинного пестрого в социальном отношении городского вечевого ополчения, житьи, вероятно бы, влились в это феодальное воинство в качестве сравнительно мелких воинов. Но в изучаемый нами период до этого было еще далеко. Усиление роли бояр в новгородском войске пока не нарушало целостности городского ополчения и никак существенно не отразилось на положении житьих. Великие князья не ценили их как пленников, отдавая предпочтение боярам. Другое дело, что они были, несомненно, снаряжены получше купцов и черных людей, что очень наглядно проявилось в сражении под Русой 1456 г.

---

¹ Цит. по: Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992. — С. 148.

² Цит. по: Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4. — С. 257.

³ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 168. Во втором случае в митрополичьем послании 1467 г. житьи стоят перед

«купцами», но после «гостей» и «суконников», т.е. тех же купцов, но специализировавшихся на внешней торговле и продаже сукна. Впрочем, этот акт отражает московскую терминологию, а не новгородскую. Для московских источников более характерно упоминать в качестве отдельной торговой прослойки суконников. Не исключено, что московский митрополит, в Новгороде не бывавший, воспринимал тамошних житых наподобии одноименной социальной группы в соседней Твери, где они тоже считались ниже «гостей» (Борзаковский В.С. История тверского княжества. — СПб., 1872. — С. 232). К приведенным В.Н. Бернадским двум примерам можно добавить еще один, тоже митрополичье послание в Новгород. В послании митрополита Ионы новгородским светским властям 1450-х гг. житьи тоже по ошибке упоминаются ниже торговцев-купцов (Русский феодальный архив XIV- первой трети XVI века. — М., 2008. — С. 101). Но этот митрополит тоже в Новгородской земле ни разу не бывал, как и Филипп. Оба, надо полагать, представляли в общих чертах иерархию высших должностей в Новгороде: посадники, тысяцкие — и знали, что высшим сословием в Новгороде является боярство. Тут они всех перечисляли в правильном порядке. Это неудивительно, ведь их в Москве по праву считали фактическими правителями Новгорода. К примеру, в послании митрополита Феодосия в Новгород именно посадникам, тысяцким и боярам неоднократно запрещалось «вступаться» во владычные земли и «пошлины» (Русский феодальный архив XIV- первой трети XVI века — М., 2008. — № 9. — С. 94-95). От небоярских слоев новгородского населения этого не ждали, несмотря на их формальную причастность к государственному управлению посредством участия в вече и на наличие в числе тех же житых крупных вотчинников. Житьи для московских духовных властей такого значения, как бояре и должностные лица, не имели, и поэтому их легко путали местами с другими небоярскими социальными категориями.

⁴ См. напр: Алексеев Ю.Г. «К москве Хотим!» Закат боярской республики в

Новгороде. — Л., 1991. — С. 75.

⁵ Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — С. 426.

⁶ См. напр: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 166. Такого же мнения придерживался и А.А. Зимин, выдвигая этот тезис в качестве ключевого аргумента поздней датировки в Уставной грамоте Всеволода Мстиславовича церкви Св. Иоанна на Опоках (Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сб. статей. — М., 1952. — С. 127-128). Близкой точки зрения придерживается П.В. Лукин, отрицающий существование данной социальной категории на рубеже 1250-1260-х гг, так как это, по его мнению, «гораздо более поздний термин» (Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 224).

⁷ См. об этом: Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992. — С. 154-155; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 17. — С. 32.

⁸ В.Л. Янин в 1991 высказался против традиционной датировки этого документа 1372 г., отмечая его сходства с новгородско-тверским договором 1376 г. На этом основании он его относит к 1374/1375 г. (Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991. — С. 168-170). По мнению ученого, этот документ был зачем-то написан в мирное время, после новгородско-тверского перемирия в 1374 г., но до победы над Тверью в сентябре 1375 г. Обоснованием такой датировки во многом служит концепция ученого о том, что посадников тогда регулярно ежегодно переизбирали в феврале. Однако в действительности перевыборы посадников происходили в то время нерегулярно. (Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник УдГУ. — 2014. — Вып. № 3. — Серия: История и философия. — С. 143-150). В этой связи его могли составить и после осенней осады Твери, перед отправкой послов. А посадник — смениться позднее. Едва ли новгородцы до второй половины 1375 г. предполагали, что им в скором

времени предстоит помогать Москве воевать с Тверью. Соответственно, заранее составлять такую грамоту было нецелесообразно. Кроме того, в другой работе В.Л. Янин относит этот акт к 1372 г. (Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 125, 419).

⁹ Янин В.Л. К хронологии «торгового устава» князя Всеволода // Археографический ежегодник за 1976 г. — М., 1977. — С. 60-68.

Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 2003. — С. 121-135.

¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. — М., 1976. — С. 161, 164.

¹¹ Флоря Б.Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и раннее новое время: Сб. ст. к 60-летию Л.В. Милова. — М., 1999. — С. 88.

¹² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 342. В.Л. Янин верно отмечал связь торгового суда с судом тысяцким, но относил появление последнего к XV в., когда он был упомянут в Новгородской судной грамоте (Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — С. 428), но данное летописное известие позволяет отнести его еще к XIV в.

¹³ Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические Записки. — М., 1979. — Т. 103. — С. 58.

¹⁴ В этот период боярин-тысяцкий сосредотачивает в своих руках торговый суд, появляется организованная по принципу кончанского представительства коллегия посадников, а после выбора нового степенного тысяцкие «старые» по—прежнему сохраняли свое место в боярском совете должностных лиц в качестве дополнительных тысяцких. См. напр: Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков-архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. —

Вып. № 14. — С. 6-12.

¹⁵ Былины. Библиотека русского фольклора. — М., 1988. — С. 435-437.

¹⁶ Там же. — С. 437.

Вспомним, например, миф о каменном доме, хотя в слоях республиканского периода обнаружены лишь остатки 3 каменных теремов, и то боярских.

¹⁷ Несин М.А. Купечество вечевое Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. 11. — С. 180-181.

¹⁸ К похожему выводу приходит И.Д. Беляев (Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. — М., 1864. — С. 54-55). Историк упоминает, что в 1510 г. псковских бояр и купцов Василий III пригласил к себе (он заседал во владычной палате в Новгороде) и арестовал, а житых не пустили на порог, сказав, что князю до них дела нет. В итоге они, в отличие от представителей высших слоев, избежали ареста и депортации из Псковской земли. Заметим, что в Пскове «вывод» землевладельцев распространился только на тех бояр и купцов, что поехали в Новгород, но, тем не менее, из этого источника видно, что житыи считались представителями псковских городских низов.

¹⁹ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. — СПб., 1872. — С.232.

²⁰ Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. — М., 1864. — С. 80-81.

²¹ Несин М.А. Купечество вечевое Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. 11. — С. 181.

²² Лукин П. В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne =Словѣне. International Journal of Slavic Studies. — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4. — С. 258-260.

²³ Российское законодательство X-XX вв. — М., 1984. — Т. 1. — С. 304.

-
- ²⁴ Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // *Slověne =Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4. — С. 257.
- ²⁵ Лукин П.В. Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // *Slověne =Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* — 2015. — Вып. № 1. — Т. 4. — С. 257.
- ²⁶ Как, впрочем, и черные люди, названные в германоязычном тексте *gemene lude*, что, как отмечает сам П.В. Лукин, означало не определенную социальную группу, а в общем простонародье. (Там же. — С. 261).
- ²⁷ Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992. — С. 158-159.
- ²⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 313, 316.
- ²⁹ Там же. — С. 320.
- ³⁰ Там же. — С. 317.
- ³¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 22-24. — С. 39, 41, 44.
- ³² Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — С. 129.
- ³³ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М., 1949. — С. 214.
- ³⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — С. 209.
- ³⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 342, 457.
- ³⁶ Несин М.А. Купечество вечаевого Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // *Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования.* — В. Новгород, 2012. — Вып. 11. — С. 182.
- ³⁷ Обоснования датировки второго акта см.: А.А. Зимин. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII-XV вв. // *Проблемы источниковедения.* — 1956. — Вып. № 5. — С. 320. Ученый справедливо отметил, что этот документ находится в Литовской метрике перед аналогичным

договором с Псковом конца 1440 г. К тому же, по его справедливому замечанию, Казимир Ягеллончик в союзе с Новгородом был заинтересован не меньше, чем с Псковом и, надо полагать, заключил с обоими городами договоры примерно одновременно. С этим полемизирует В.Л. Янин, по мнению которого упомянутые степенные посадник и тысяцкий не могли сохранять степень в течение года, поэтому исследователь предлагает датировать грамоту 1441-1442 гг. (Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991. — С. 154). Но на самом деле такие случаи в XV в. бывали, посадники и тысяцкие менялись нерегулярно, не всегда одновременно и иногда занимали должность и дольше года. (Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков-архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. — Вып. № 14. — С. 6-12; Несин М.А. Новгородские тысяцкие в последние десятилетия новгородской независимости (нач. XV в. — 1478) // Новгородика 2015. В печати). Исходя из этого, аргументация А.А. Зимина представляется более убедительной. Именно этот договор, заключенный в конце 1440 г. между Новгородом и Казимиром IV, стал поводом для московского похода на Новгород в 1441 г. (Зимин А.А. Витязь на Распутье. — М., 1992. — С.89).

³⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 63, 70. — С. 105-106, 115.

³⁹ Ныне А.В. Журавель предложил датировать Куликовскую битву 1379 г. от Р.Х. (Журавель А.В. Аки Молния в день дождя. — М., 2010. — Кн.1. — С. 146-168). Если принять эту датировку, тогда и все предшествующие этому сражению события, перечисленные в данной погодной записи, тоже, вероятно, надо будет отнести к другому времени. Однако основные аргументы исследователя о хронологии битвы оспорил С.Н. Азбелев. (Азбелев С.Н. К

вопросу о дате и месте Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2014. — Вып. № 3 (57). — С. 149-150).

⁴⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 376.

⁴¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 311.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб.455.

⁴² Там же.

⁴³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 376.

⁴⁴ Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 183.

⁴⁵ Подробнее см.: Азбелев С.Н. Участие новгородцев в Куликовской битве // Чело. — 2006. — Вып. № 1. — С. 73-78.

⁴⁶ Шляпкин И.А. Синодик 1552-1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сб. Новгородского общества любителей древности. — Новгород, 1911. — Вып. 5. — С. 6-7.

⁴⁷ Трудно в этой связи согласиться с гипотезой Г.Е. Дубровина, согласно которой поминать павших земляков в Куликовской битве стали исключительно под влиянием Прусско-Плотницкого «промосковского крыла» боярства, лживо приписывавшего Новгороду участие в этой исторической баталии (Дубровин Г.Е. Легенды об участии новгородцев в Куликовской битве и прусско—плотницкое крыло «московской партии» Новгорода во второй половине XV в. // Новгородский исторический сборник. — СПб., 2005. — Вып. № 10 (20). — С. 82-93). Эта афера была бы в те годы очень рискованна. Ведь многие новгородцы того времени лично помнили дедов — участников военных походов времен Дмитрия Донского. А в Борисоглебской церкви могли оказаться не только промосковски настроенные бояре. И если бы Новгород на самом деле в Куликовской битве не участвовал, то священников, поминавших павших в ней новгородцев, легко можно было уличить в ошибке. Другое дело, что выводы ученого о связи истчников об участии новгородцев в этой битве с Плотницким концом в целом весьма интересны (Там же. — С. 76-93). Не

исключено, что именно плотничане составили основу новгородского войска на Куликовом поле, или из этого городского района происходил какой-нибудь важный воевода.

⁴⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 311.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 455.

⁴⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 341.

⁵⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 380.

⁵¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 342.

⁵² Несин М.А. Был ли Новгород привилегированным великокняжеским городом? // Valla. — 2016. — Вып. № 2 (1). — С. 127-129.

⁵³ См. напр: Там же. — С. 123-124.

⁵⁴ О ней в 1390-х гг. см.: напр: Андреев В.Ф. Из Истории Русской церкви XIV—нач. XV вв. Митрополит Св. Киприан. — В. Новгород, 2008. — С. 58-62.

⁵⁵ Там же. — С. 50.

⁵⁶ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С.78.

⁵⁷ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 343.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 487.

⁵⁸ Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 183.

⁵⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 344.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 488.

⁶⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 391.

⁶¹ Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 307-308.

<http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

⁶² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 392-393.

---

⁶³ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 393.

⁶⁴ Несин М.А. Купечеств вечевое Новгорода XII—XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. №11. — С. 182.

⁶⁵ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 418.

⁶⁶ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 418. Подробнее об этом см: Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 307-308. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

⁶⁷ Зимин А.А. витязь на Распутье. — М., 1992. — С. 89.

⁶⁸ Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 132-133 <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015).

О попытке новгородцев с помощью шантажа получить у Василия спорные земли см. также: Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 302-303 <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

⁶⁹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 150.

ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 196.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 108.

⁷⁰ Торопов С.Е. Из истории средневекового новгородского города Демона //

Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. — М., 2009. — С. 245-261.

Торопов С.Е. Археологический комментарий к проблеме локализации и преемственности новгородского городка Демон и Демянского погоста // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. — М., 2009. — С. 552-558.

⁷¹ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 221.

⁷² Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1. — С. 45.

Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 37, 144.

⁷³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 196.

⁷⁴ Несин М.А. Из истории логистики русских войск в XV—начале XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 148-149. <http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7> (27.04.2016).

⁷⁵ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 134.

⁷⁶ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 221.

⁷⁷ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 196.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 108.

⁷⁸ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С.150.

Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1. — С. 45.

Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 37, 144.

⁷⁹ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века — М., 2008. — № 9 — С. 94-95.

⁸⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194.

⁸¹ Там же. — Стб. 195.

---

⁸² Там же.

⁸³ Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 311-315. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Об участии владычной рати в некоторых боях, их службе на владычном дворе, и сопровождении архимандрита в поездке на Двину в роли охраны см. также: Быков А.В. Новгородской войско в XI-XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. — В. Новгород, 2006. — С. 88; Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 111. Правда, данные исследователи фактически не изучали упоминаний элитарной владычной рати и ее участника, боярина Еремея Сухощюка, в известиях о Шелонской битве, поэтому высказали гипотезы о ее полностью простонародном или преимущественно небоярском составе, что не находит никаких подтверждений в источниках.

⁸⁴ Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 311-315. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

Об участии владычных «людей» в этой кампании раньше писал и А.В. Быков, однако исследователь не задавался вопросом о том, какую роль они играли в этой кампании. Быков А.В. Новгородское войско в XI-XV вв. Дис. ... канд. ист. наук. — В. Новгород, 2006. — С. 88.

⁸⁵ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. — Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и

тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 104
<http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

⁸⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 195.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194.

⁸⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 77. — С. 130.

⁹⁰ Несин М.А. Купечество вечевого Новгорода XII—XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. 11. — С. 182.

⁹¹ Благодарю за данную информацию участника реконструкторского клуба «Заволочье» А.М. Молочникова.

⁹² Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. — Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 109
<http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

⁹³ ПСРЛ. — Л., 1959. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — С. 133.

ПСРЛ. — М., 2000. — С. 190.

⁹⁴ Впрочем, по интересному замечанию Д.А. Селиверстова, в 1456 г. новгородский отряд под Русу формально мог повести и другой «Низовский» служилый князь Василий Васильевич Шуйский, по прозвищу Бледный, который в 1477/1478 г. осаждал Новгород вместе с псковичами, а затем дважды от Ивана III получил новгородское наместничество (Краткую биографию Бледного см.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 69).

Другое дело, что традиционное мнение о тождестве Василия Низовского с Василием Гребенкой в сражении под Русой представляется наиболее вероятным. Ведь его племянник и тезка Бледный впервые надежно упоминается в источниках лишь начиная со второй половины 1470-х гг., вероятно, по причине молодости. А Гребенка в конце 1460-х — начале 1470-х гг. воспринимался московскими современниками как привычный «слуга» новгородцев. Кстати говоря, после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. он теряет право жить в Новгороде и переводится в давно присоединенный к Московскому княжеству Нижний Новгород, который, судя по археологическим данным, со времен Едигеевой рати был в относительном запустении (Гусева Т.В. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Н. Новгород, 1996. — С. 44-45). Скорее всего, старого «слугу» Новгорода, воевавшего по воле новгородцев много лет с москвичами, но потом присягнувшего на верность Ивану III на старости лет отправили в почетную ссылку, где тот, надо полагать, и скончался. Совсем иначе складывались отношения Ивана III с Бледным, пользовавшимся доверием московского князя. В 1470-1480-х гг. Бледный дважды стал московским наместником в богатом Великом Новгороде. Наиболее вероятно, это был относительно молодой человек, изначально лояльный к Москве. Ведь в те годы Иван III, упразднив старые новгородские политические институты, начал понемногу выселять влиятельных новгородцев. И было бы странным, чтобы он назначил наместником данного города полководца, водившего в 1456 г. здешние войска против москвичей. Логичнее полагать, что в сражении под Русой действовал Василий Васильевич Шуйский по прозвищу Гребенка, который потом оставался в Новгороде более чем 20 лет, верно служа новгородцам до последних дней московской осады 1477/1478 г. А его племянник и тезка В.В. Шуйский Бледный был до конца 1477 г. связан с московским княжеством. Отец Бледного, Василий Юрьевич, в 1446 г. получил

от Шемяки Нижегородское княжение, но затем был опять лишен его Василием Темным. По—видимому, он вместе со своей семьей стал жить в московском княжестве. Поэтому его сын В.В. Бледный в 1477 г. ехал в поход на Новгород в свите Ивана III на правах московского служилого человека. По просьбе псковичей московский князь назначает его в Псков своим наместником, а затем отправляет вместе с псковичами осаждать Новгород.

⁹⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 195.

⁹⁶ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 216.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 120.

⁹⁷ Иногда полагают, что простых новгородцев пощадили, так как они были якобы за мир с Москвой и не очень разделяли своекорыстные интересы бояр (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. — М., 1960. — С. 820.) Но о таких их настроениях источники не сообщают, равно как об их особой позиции. То же самое можно сказать о житых, которые не являлись высшим сословием, но и к «молодым» и «молодшим» не относились. И в плен наряду с другими небоярскими слоями новгородского ополчения они тоже не попали. В этой связи московские воеводы, скорее всего, попросту принципиально брали в плен только бояр, так как захват представителей элиты всегда имел наибольшую значимость (Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 111-112. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

⁹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 22-23. — С. 39, 41.

⁹⁹ Там же. — № 24. — С. 43-44.

¹⁰⁰ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 198.

¹⁰¹ ПСРЛ — М., 2000. — Т. 4. — Ч.1. — С. 446.

---

¹⁰² ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 192.

В составленных позднее, на рубеже XV-XVI вв., «Словесах избранных» он вместе с другим боярином, владычнм чашником Еремеем Сухощокком, наоборот, назван житьем, но это, надо полагать, ошибка (см. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 510). Вообще, в этом памятнике много путаницы: здесь можно найти совершенно недостоверные сведения о какой-то судовой рати на р. Шелонь (Там же. — С. 508-509). Странно было бы, если бы автор этого позднего и несколько путаного рассказа был лучше современников и новгородского владычного летописца осведомлен о социальном статусе двух пленных новгородцев, в том числе архиепископского чашника. Новгородской республики с ее необычной для Московского княжества элитой ко времени составления «Словес» уже не существовало. Выселенных новгородских бояр и житьих, живших в Новгородской земле, замещали среднерусские служилые люди. Видимо, составитель повести толком в новгородской терминологии не разобрался: бояре Киприан Сергеевич Арзубьев и Еремей, в отличие от казненного вместе с ними Дмитрия Борецкого, условно названы в современных среднерусских летописях посадниками, на самом деле они не были известны как подлинные обладатели посаднического титула. Именно поэтому автор более поздних «Словес», вероятно, и поместил их в разряд «житьих». (Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 323. — Прим. № 83. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015)).

¹⁰³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 2 — С. 143.

Повесть о поездке Ивана III в Новгород «миром» в 1475 г. с точной датировкой великокняжеских остановок и сообщениями о прибывающих к нему новгородцах, очевидно, была составлена по записям великокняжеского походного дневника. В связи с тем, что в повести подробно фиксируются даты великокняжеских пиров у новгородских бояр и сделанные хозяевами подарки, В.Н. Бернадский справедливо заключил, что это — результат каждодневных записей великокняжеских дьяков (Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 296. — Прим. № 24).

¹⁰⁴ Исходя из этого, в московском летописании, а возможно, и в походном дневнике великого князя, фиксирующего его поход на Новгород 1477/1478 г., сын Киприана, многократно представлявший среди новгородских делегатов житых, по ошибке отнесен к этому сословию (ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 322), но в Новгороде боярский статус переходил по наследству, Григорий Киприанович не мог быть житым. Очевидно, это было следствием ошибки или незнания некоторых новгородских реалий.

¹⁰⁵ Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. — М., 1992. — С. 132-133.

¹⁰⁶ Эти регионы настойчиво перечисляются в Новгородской грамоте Коростынского договора 11 августа 1471 г. как новгородские волости. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 26. — С. 46-47.) А о принадлежности Бежецкого верха к Новгородской земле сказано даже дважды.

¹⁰⁷ См. напр.: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 404-405.

¹⁰⁸ Как отметил Ю.Г. Алексеев, «содержание и формулировки» предъявленных новгородцам обвинений дают основание полагать, что «Словесы» в этой части опирались на какой—то официальный деловой документ, перечисляющий великокняжеские претензии к Новгороду, возможно, это послание великого князя новгородцам. Также по мнению ученого «достаточно документальный характер» имеет и рассказ повести о миссии Ананиина (Алексеев Ю.Г. Под

знаменами Москвы. Борьба за единство Руси в XV в. — М., 1992. — С. 132). Не исключено, что сведения о ней также основаны на документальных свидетельствах.

¹⁰⁹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 231.

ПСРЛ. — Т. 27. — С. 130.

¹¹⁰ П.В. Лукин пишет, что, с одной стороны, бояре и житьи, по словам повести, стояли за связь с Москвой, когда как те же «изменники» Борецкие на самом деле тоже относились к боярству. В этом исследователь видит явное противоречие. (Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 335). Хронист не говорит, что промосковского курса придерживалось непосредственно все боярство.

¹¹¹ ПСРЛ. — Т. 26. — С. 230-233.

ПСРЛ. — Т. 27. — С. 129-131.

¹¹² ПСРЛ. — Т. 26. — С. 233, 237.

ПСРЛ. — Т. 27. — С. 130-131, 133.

¹¹³ Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 1962. — С. 346-349.

¹¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 77. — С. 130.

¹¹⁵ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 2. — С. 143.

Об этом обстоятельстве писал тот же О.В. Мартышин: Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992. — С. 158.

¹¹⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

В историографии этот сюжет нередко трактуется в форме межсословной распри между «большими» и «меньшими» новгородцами, данную версию ученые обычно представляют аксиомой. (См. напр.: Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С.12; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III — СПб., 2009. — С. 119; Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 335). Высказывались, впрочем, и иные взгляды. Еще Н.М. Карамзин рассматривал данный эпизод с позиции разногласий между разными

новгородскими полками (Карамзин М.Н. История государства Российского. — М., 2003. — С. 466.). Однако, как видно при внимательном прочтении известия летописи, на бояр владычного полка «вопили» вовсе не одни «молодые люди», а все «новгородцы» в целом, в том числе и часть бояр. К последним следует отнести воевод-посадников Дмитрия Борецкого и Василия Казимира, в этот владычный полк не входивших. Приписываемые летописцем «каждому» из «новгородцев» слова «язь человек молодой» являются некоторой метафорой. (Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение Внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1. — С. 216; Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 167. — Прим. № 143 <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)). Ныне А.В. Быков в устной беседе высказал мысль, что выражение «испротеряхся» конем и доспехом надо понимать следующим образом: простые — «молодые» — люди потратили существенную часть своего скромного бюджета на боевое снаряжение и опасались, что бояре теперь заключат с москвичами мир, а их финансовые затраты на коня и доспех окажутся напрасными. Однако стоит заметить, что А.В. Быков во многом оперирует распространенной неверной трактовкой этого эпизода как социального конфликта между боярами и меньшими, не говоря о том, что подобная политика владычного полка в тех условиях кажется нереальной. Подробнее об этом: Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 323-234. — Прим. № 89. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015). Вместе с тем кони и доспехи значительной части новгородцев, вероятно, действительно невыгодно

отличались от московских, более годных для кавалерийского маневренного боя, и поэтому новгородцы очень надеялись на активную помощь своих наиболее качественно вооруженных сограждан из профессиональной владычной конницы (Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси в второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 80. <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015)). Тем более, что войско новгородцев и в самом деле в основном состояло из незнатных людей, многие из которых были снаряжены относительно некачественно, что мы видели на примере сражения по Русой 1456 г.

¹¹⁷ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 121.

¹²⁰ Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 298-299. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015).

¹²¹ См. напр.: ПСРЛ — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 509.

¹²² Там же.

¹²³ В.В. Колесов, впрочем, почему-то перевел, как «двадцать» (Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 1999. — Т. 7. Вторая половина XV в. — С. 301). Но не исключено, что это опечатка. То же самое слово — «дванадцать», обозначающее в том же источнике количество тысяч павших новгородцев, он

интерпретировал верно, как двенадцать. (Там же).

¹²⁴ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

¹²⁵ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 55.

¹²⁶ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

¹²⁷ ПСРЛ. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464-482. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

¹²⁸ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 191.

¹²⁹ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 156.

В Ермолинской летописи говорится, что часть бояр отпустил Иван III, взяв с них за это откуп.

¹³⁰ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 134.

¹³¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 510.

¹³² Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич — один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 г.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 323. — Прим. № 83. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015). См. также Прим. № 102 настоящей работы.

¹³³ Алексеев Ю.Г. Некоторые спорные вопросы в историографии Русского

централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. — Л., 1983. — С. 116.

¹³⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. — СПб., 2003. — Кн. 2. — С. 256.

¹³⁵ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

¹³⁶ Российское законодательство X-XX вв. — М., 1984. — Т. 1. — С. 306.

¹³⁷ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238-239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133-134.

¹³⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 26-27. — С. 45, 48.

¹³⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Ч. 1. — С. 447.

ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 93.

¹⁴⁰ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 134.

¹⁴¹ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 47, 93.

¹⁴² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 511.

¹⁴³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 191.

¹⁴⁴ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 134.

¹⁴⁵ Янин В.Л. Средневековый Новгород. — М., 2000. — С. 390.

¹⁴⁶ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). — М., 1969. — С. 414-431.

¹⁴⁷ Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы. — М., 1992. — С. 164-171.

¹⁴⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 27. — С. 50.

¹⁴⁹ Там же. — №. 101. — С. 156.

Обоснование датировки см: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991. — С. 344.

---

¹⁵⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 26. — С. 45-48.

¹⁵¹ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С.134.

ПСРЛ. — М., 2000. — Ч. 1. — С. 447.

¹⁵² Цит. по: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — М.; Л., 1961. — С. 286.

¹⁵³ Несин М.А. О терминах «господин» и «государь», употребляемых применительно ко «всему Великому Новгороду» // Valla. — 2015. — Вып. № 1 (6). — С. 23-29.

¹⁵⁴ Российское законодательство X-XX вв. — М., 1984. — Т. 1. — С. 304-308.

¹⁵⁵ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991. — С. 344.

¹⁵⁶ Российское законодательство X-XX вв. — М., 1984. — Т. 1. — С. 304.

О значении в судной грамоте и других новгородских актах терминов «господин» и «государь» см: Несин М.А. О терминах «господин» и «государь», употребляемых применительно ко «всему Великому Новгороду» // Valla. — 2015. — Вып. № 1 (6). — С. 23-29.

¹⁵⁷ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 239.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С.134.

¹⁵⁸ Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1991. — С. 192-193.

Другое дело, что историк склонен относить документ ко времени заключения Коростынского мира в августе, так как в это время в Новгороде, по его мнению, согласно тогдашним правилам, должна была произойти смена указанных в документе посадника и тысяцкого. Но, как уже говорилось выше, в то время их смены происходили нерегулярно. В этой связи грамоту могли составить и позднее, но, несомненно, до 15 декабря, когда был хиротонисан «нареченный»

владыка Феофил (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 98. — С. 154).

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 26-27. — С. 46-47, 51.

¹⁶¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 98. — С. 154.

¹⁶² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 25. — С. 321.